

Светлана Савельева

АРЬЯНА

1

Нити рельсов и бег колес отбивают ритм: «Раз-два, раз-два». Ночной экспресс — заснул в Иваново, проснулся в Москве. Хорошо тем, кто не страдает от бессонницы или, как в моем случае, от кошмаров. Они снова вернулись, прямиком из детства. Шесть лет я спала спокойно, а теперь сон рваный и болезненный. Засыпая вечером, я не знаю, что сулит ночь.

Темно. Круглая луна преследует поезд. «Раз-два, раз-два». Зазеваешься, мысль убежит быстрее стройных вагончиков, ритм теряется и звучит по-новому: «Раз-два-раз, раз-два-раз».

У меня впереди долгая дорога: из Москвы самолетом до Улан-Удэ, оттуда на автобусе до Хоринска¹ (звучит завораживающе-агрессивно), а потом на чем придется до улуса без названия. И здравствуй, родина, принимай заблудшую душу! Но я к тебе ненадолго, возможно, в последний раз. Единственный человек, с которым мать держала связь — ее старшая сестра Лосолма², — умерла пять месяцев назад. Похороны мы пропустили. Мать не смогла вырваться в середине семестра, а еще — важная конференция и встреча с начальником Департамента образования области. Она вечно в делах. Отцу на заводе не дали отпуск, к тому же было нелепо, если бы он поехал вместо матери на похороны ее сестры. Я тоже погрязла в работе и выныривать не собиралась, потому что пример матери заразителен, а похвала бесценна.

На этом нить родства наверняка потерялась бы, но тетушка решила оставить мне в наследство бабушкин дом. Неожиданный звонок от двоюродного брата спустя почти полгода: «Приезжай, забирай или отказывайся». И решить бы все дистанционно, но мать

¹ Хоринск — населенный пункт в республике Бурятия.

² Имя Лосолма происходит от мужского Лосол, что переводится с тибетского как «ясный ум».

уперлась: «Я на похороны не приехала, так хоть ты покажись родне, вырази соболезнования. Вот и повод есть, и у тебя отпуск. А у меня защита дипломов, диссертаций и выезд на природу со всем научным сообществом области». Только когда она заказала билеты, я придумала, что ответить, как правильно возразить. Но было уже поздно. Оставалось только ворчать под нос. Да что уж теперь. Приеду, подпишу отказ от наследства, оформлю дарственную или напишу доверенность — любой вариант, лишь бы дело было кончено быстро. Ненужная щедрость — мне дом ни к чему, только хлопот прибавилось. На кой недвижимость за тридевять земель?

«Раз-два-раз, раз-два-раз», — мысль утекла.

Еду, ищу плюсы сложившейся ситуации: отдых, красивые места, новые люди. Да и время наедине с собой пойдет на пользу. Есть над чем подумать. Может, в дороге меня не будут мучить кошмары, отпустят тягучие путы мрачных сновидений.

Главное — не засыпать. Еще часочек, и я в Москве. Держись, Арьяна³, еще чуть-чуть.

Я снова в комнате без двери — серые стены и зеркало отражает тьму, — лежу на кровати. Оглядываюсь и вижу окно. Занавески не задернуты, висят по краям безжизненным полотном. Снаружи луна, то прячется за облаком, то выглядывает, словно моргает. Вокруг так липко. Одеядло и подушка, как густой кисель. И я в нем варюсь на медленном огне. Пытаюсь встать, но тело отяжелело, а тьма опускается и давит на грудь. Вдох-выдох, воздух не поступает в легкие, застрял в носоглотке. Как кричать, если задыхаешься? Барахтаюсь, но как вырваться из оков, если руки прилипли к кровати. Темно, и вокруг шорохи. Кто-то ходит, шаркает по полу, шепчет на непонятном языке прямо в ухо. И звук кривой упругой волной бьется о перепонку и просачивается прямо внутрь. Там ему тесно, и он стучит барабаном внутри головы. И на каждый удар голова будто лопается, а вокруг кровати толпятся люди, смотрят, хохочут, а потом лезут на меня.

«Поезд прибывает через 15 минут...» — загорелась цепочка лампочек на потолке. Я вздрагиваю и просыпаюсь. Один и тот же сон,

³Имя Арьяна происходит от мужского имени Арья. С санскрита — «высший, святой». Обычно употребляется перед именами Бодхисаттв, святых, прославленных буддистов. Также имя Арьяна встречается в индийской культуре и переводится как «идущая путем духовного развития».

одна и та же комната. Меняются детали интерьера и персонажи. Я пытаюсь разобрать слова, записываю обрывки звуков, чтобы понять речь, но Гугл не дает ответов. Что за глупая идея гуглить несуществующие слова из сновидений. «Чур меня», — говорит отец в таких случаях, и я говорю так же, чтобы прогнать дурной сон. Но воспоминания липнут ко мне, пока я иду по перрону, тяну за собой серый новенький чемодан. Но, кажется, за мной кто-то идет, оборачиваюсь, толпа из вагонов тянется следом, огибает меня, как камень в середине ручья, и двигается дальше. Но ощущение не исчезает, будто черное облако за спиной, и как не вывернусь — оно позади прилипло. Зажмуриваюсь, закрываю лицо руками, а перед глазами размытые фигуры, плоские, как ласты, руки и жгучее желание сбежать из сна. Выдыхаю. Чур меня.

Мне нужен кофе.

Впереди семь часов по Москве с чемоданом, желанием заснуть на ходу и телефоном, который постоянно норовит разрядиться. Я тоже разряжена. Не чувствую в себе сил. Бессонница последних месяцев дает о себе знать. Кофе остыл, бодрости не прибавилось. Как только вернулись кошмары, я снова поверила в существование кофеинового бога. Вот кому стоит поклоняться, строить храмы и почитать в молитвах.

Сейчас заброшу чемодан в камеру хранения, позавтракаю в центре, прогуляюсь и снова влюблюсь в столицу — отличный план. Я нашла топ 15 кофеен Москвы, сохранила все аккаунты Инстаграм, предвкушаю встречу. «Старбакс» и «Шоколадница» не в счет, сегодня меня ждет «Антипа». Кажется, не модное и не пафосное местечко, зато как звучит — кафе-трапезная при храме Священномученика Антипы Пергамского на Колымажном дворе. И кофе хвалят. Но я иду за атмосферой укромного пространства — высокие арочные окна с видом на желтый храм, много света, столы, украшенные мозаикой, тишина и спокойствие.

В Иваново вычурных кофеен не найти, везде налет провинциальности. Город тесный и душный. Нет, я, конечно, люблю знакомые улочки, раскидистую зелень деревьев, пузатые троллейбусы. Но я там чужая, слишком выделяюсь среди золоченых куполов церквей, на фоне герба с пряхой в червленом русском сарафане. Все мувиной раскосые глаза, монгольские скулы, черные, как смоль, волосы и странное имя — Арьяна. Наполовину бурятка, наполовину

русская. Эта половинчатость словно кол в сердце. Если вбивать гвоздь в разошедшуюся доску, та треснет и разломится. Но я бурятка только внешне, внутри я хочу быть прямой в червленом русском сарафане, ходить в церковь и говорить «Чур меня». И быть частью любимого и ненавистного города.

Серьезно? Что забыла метиска в Иваново — в самом русском городе страны?

Мама уехала из родной Бурятии, когда ей было 17, училась в Новосибирске, влюбилась, вышла замуж и, бросив все, рванула за мужем. Я родилась здесь. В паспорте значит: Арьяна Соколова, место рождения — Иваново.

С детства меня дразнили ребята со двора за непохожесть. «Игнорируй», — безучастно говорила мать. В шесть лет я тихонько подошла к отцу и спросила, что значит это слово. Отец погладил по голове и поцеловал в лоб: «Просто не обращай внимания, ты у меня красавица».

«Спасибо, папа, если бы не ты, я окончательно потеряла веру в себя», — этих слов я ни разу не сказала отцу ни в первом классе, ни в одиннадцатом, но папа понимает без слов. Он до сих пор иногда тянется ко мне, чтобы поцеловать в лоб, а потом останавливается, сдерживается, вспоминает, что дочь уже взрослая. И я неловко улыбаюсь.

Иду по метро, глазею на всех без стеснения, а на меня никто. Хорошо бы жить в Москве, затеряться в толпе, скрыться, смешаться, раствориться. Никто бы не обращал внимания на внешность. Прелести больших городов.

Мать не пустила меня учиться в Москву ни после школы, ни после института. Я пыталась объяснить, что в большом городе мне будет легче. Но, по ее словам, образование можно получить и в Иваново. Она профессор, она лучше знает. Ей легко говорить, она уважаемый человек, зрелая и самодостаточная, может не обращать внимания на окружающих. А я не обросла броней-толстокожестью. Косые взгляды, презрительный тон. «Узкоглазая», — брошенное в спину, бьет слишком больно. Ей не понять, как и многим.

2

Растворяюсь в атмосфере кофейни. С закрытыми глазами провожу пальцами по мозаичному узору, вдыхаю ароматы свежей выпечки и

терпкого кофе. Наслаждаюсь минутами покоя. Так просто ни о чем не думать и растворится в моменте. Слушаю музыку и тихую болтовню за соседним столиком, не разобрать слов ни в песне, ни в беседе. Все сливается в единый поток бормотания, и на секунду мне кажется, что я снова во сне. Нечто надвигается на меня. Секунда. Прикосновение.

— Вам нехорошо? — Обаятельный юноша касается плеча, обеспокоенный взгляд быстро сменяется теплой улыбкой, когда я говорю, что все в порядке.

Микросны. Впервые я словила себя, что заснула на пару секунд на лекции. Я услышала начало предложения и очнулась в конце. Монотонный голос будто на затертой пленке прервался и обратно включился. С тех пор стараюсь контролировать себя, не допускать микроснов и принимать кофеин до их наступления. Но сегодня даже он не спасает.

Хочу остаться в кофейне еще чуть-чуть, впитать атмосферу, насладиться каждой каплей, каждым звуком и деталью лаконичного интерьера. Но мне нужно движение, только так сбежать от сна. Приходится прощаться. В Иваново кофейни далеко от моего привычного маршрута квартира-работа. Дома я варю кофе сама. Заказываю зерна в интернете, забираю посылку, приношу домой, бережно распаковываю, и каждый кубометр воздуха жилища наполняется крепким стойким запахом. Кофемашина появилась на кухне после первого кошмара на новой квартире. Черная шумная штукovina выдает только один вид кофе, зато какой! Я медленно пью крепкое зелье из крошечной кружки, глотки должны быть небольшими, чтобы насладиться каждой каплей. А между ними важно глубоко дышать, чтобы остудить горло, тогда каждая новая порция, как первая. Потом целый день на работе я мечтаю повторить утренний ритуал, желательно дважды, чтобы всю ночь не спать, отключиться только к утру, на рассвете, когда уже не так страшно засыпать.

У меня есть пара часов, чтобы погулять по проспектам и площадям, посидеть в парке на траве, дышать с Москвой одним воздухом и любоваться архитектурой, есть мороженое и быть частью толпы. Зайду в ТЦ и куплю какую-нибудь нелепую безделушку, чтобы радовала глаз и душу.

Ирка и Катька встретиться со мной не смогут. Может, на обратном пути получится задержаться в Москве, и мы куда-нибудь сходим. Желательно в новую кофейню, но они меня потащат в ре-

сторон или в клуб. Неважно, главное — быть с ними. Снова. После вручения дипломов они рванули покорять столицу, сняли квартиру по ветке метро, ездят на работу, стоят в пробках, заказывают еду на дом, ходят в клубы и кафе, знакомятся, берут напрокат велосипеды, уезжают за город с коллегами. Я хотела уехать с ними, но меня ждала аспирантура, преподавательская деятельность, лекции по истории, научные труды, студенты, работа на кафедре. Зато есть своя крошечная квартира. Чуть-чуть свободы, спасибо отцу.

Проверяю телефон. В нашем чате тишина. Мы переименовали беседу из «Лучшие друзья навеки» в просто «Ира, Катя, Яна». И если я ничего не напишу туда, они редко спросят, как дела. Я их не виню, у всех работа, мне самой постоянно некогда.

Пора позвонить отцу.

— Привет, как добралась?

— Хорошо, папа, не переживай.

— Ну, ладно, Арьяна, напиши, когда прилетишь. Будь на связи.

— Да, обязательно. Пока, пап.

«Называй меня Яна, папа», — вдогонку мысленно кричу, миллион раз я просила об этом. Ненавижу свое настоящее имя почти так же сильно, как жизнь в Иваново. Давно стоило бы подать документы, расстаться с прошлым, навсегда стать Яной Соколовой и попрощаться с именем, которое приносит неудачи. Чуть больше смелости, и после этого жеста не страшно бросить аспирантуру, уволиться и переехать в Москву. Но я не в силах перечить матери и расстраивать отца, а именно он выбрал это сочетание звуков и букв, когда двадцать три года назад на свет появилась я. Арьяна. И это прекрасное имя с тибетскими корнями, в нем отзвук родных краев, перезвон буддийских молитвенных колокольчиков. Но это имя слишком часто коверкали, чтобы я теперь его любила. Оно будто подножка на пути, каждый споткнется, упадет, спросит. В поликлиниках, в саду, в школе, в институте, на работе. Каждый раз это напоминает мне об азиатских корнях, а мне хочется быть как все. Я не в силах изменить внешность, но имя могу выбрать сама. И я нашла способ сделать это еще в пятом классе, даже паспорт менять не пришлось. Когда в новой школе, учитель попросил представиться и рассказать о себе, то я сказала, что люблю книги в жанре фэнтези и восточную культуру, мечтаю стать востоковедом и попросила называть меня Яной. Всем так было удобнее,

мне тоже. Осталось только два человека, которые упорно называли меня Арьяной, — отец и мать.

В аэропорт лучше приехать заранее.

— Будьте добры, один американо без сахара с карамельным сиропом.

«Нет, не лопну, нет, не вредно», — мысленно отвечаю матери на упреки. Зато сонливость уйдет прочь, стоит только наполнить рот живительным эликсиром. От одного аромата расслабленность и спокойствие, будто вдыхаю волшебное зелье. Почему до сих пор кофеин не признан наркотиком? Я знаю почему — потому что в одночасье миллиарды людей отправятся за решетку, а вместе с ними и я. Бескофеиновая жизнь подобна черно-белому фильму без красок.

Симпатичный парень колдует над моей порцией бодрости. Я не смотрю на его лицо, проколотую бровь, отлично уложенную прическу, только на руки и тату на запястье в виде линии пульса. Он насыпает зерна сорта «Робуста» прямиком из Вьетнама. Никакой «Арабики», прямая бороздка на мелком зернышке, я издали вижу и ни с чем не перепутаю. Но, главное, вкус — тяжелый и терпкий. Я бы нырнула в бумажный стаканчик коричневой гущи. Тепло по телу, кофеин по венам. Сводит скулы от горечи, но проходит секунда, и во рту остается легкая карамельная сладость.

Кофе вкусный только пока горячий, засидишься, задумаешься со стаканчиком в руках, жидкость остынет до температуры тела, и вкус выветривается вместе со струйками пара. От аромата ни следа.

Скоро регистрация и посадка. Семь часов полета, плюс пять — разница во времени — вот и половина суточного дня. Как нож по яблоку «кляц», и распадается день на две части.

— Арь-я-на, — по слогам произносит девушка в форме за стеклом стойки терминала. Я не успеваю разглядеть лица.

— Можно просто Яна, — натянуто улыбаюсь.

— У вас красивое имя, возьмите билет.

Это просто вежливость, ей неважно, как меня зовут, это важно только для меня. Мимо люди и вещи, голоса и смех, ветер над равниной взлетных полос. Вихрь разлохматил волосы и всколыхнул воспоминания. Я уже в самолете, вожусь с ремнем, мозг возится в воспоминаниях и никак не хочет забыть эту сцену, когда меня называли чужим именем.

— Янина! — режет слух непривычные пять букв.

С осени на кафедре будет работать новый молодой преподаватель, в мае он принес документы, взял план работ, чтобы подготовить лекции. Высокий и статный, укладка как будто он модель в журнале, голубые глаза. Он в джинсах и пиджаке, пуговицы расстегнуты, белая рубашка в крупную клетку облегает тело.

— Я не Янина, — автоматически перебила я, вышло грубо и не приветливо. К счастью, в кабинете уже никого не было, он пришел слишком поздно, я, как обычно, задержалась. — Просто Яна.

— О, а есть разница?

— Да, весомая. Если вас не затруднит, зовите меня просто Яна. — Я слабо улыбнулась, попыталась смягчить ситуацию, не хотелось начинать знакомство с коллегой с неловких ситуаций и недопонимания.

— Может, просветите? — Андрей Викторович выгнул бровь и улыбнулся.

— Яна — хоть как-то дублирует мое настоящее имя, с Яниной у меня ничего общего.

— И как же вас зовут на самом деле?

— Арьяна.

— О, — протянул он долго и протяжно, и голос звучал так глубоко и мягко. — Арьяна — красивое имя.

Я вздохнула. Это имя идеально, если ты живешь в Бурятии, надеваешь остроконечную шапку цвета синего неба, украшенную крупными коралловыми камнями, если на тебе дэгэл⁴ из шелка с пышной юбкой в пол, расшитая жилетка, и серебряные украшения звенят на каждом шагу. И обувь на ногах с заостренными носками, смотрящими вверх. Но не для меня.

— Вы что-то хотели мне сказать? А я вас перебила, — попыталась свернуть разговор в другое русло.

— Да, Вадим Георгиевич сказал, что можно оставить документы, а вы ему передадите.

— Конечно, давайте. — Я легко подхватила тонкую папку.

Ну же, сделай шаг к двери, и я скажу: «До свидания». А после мы забудем обо всем и осенью на самом деле не вспомним, представимся снова, будем обычными дружелюбными коллегами.

— Вы уже преподаете? — Андрей Викторович делает два шага вперед.

— Да, — я вздыхаю.

⁴ Дэгэл — национальная одежда бурят.

— И как вас называют студенты? Не подумайте ничего такого, я интересуюсь, чтобы осенью не попадать впросак. — Он улыбается, и я в ответ. Улыбки творят чудеса. Напряжение испаряется и витает облаком дурмана и симпатии.

— Яна Сергеевна.

Он ничего не сказал, но на лице сквозь улыбку проскользнула искра. Неодобрение или упрек. Или мне только показалось — нельзя судить человека за мимику и мысли. Но я уже надумала, представила, решила за него и стала оправдываться, чтобы он не вообразил, будто я слабохарактерная.

— Понимаете, так проще, многим сложно запомнить имя, поэтому я называлась Яной. А если настаивать на своем, то постоянно приходится всех поправлять. Как меня только ни называли — то Арианна, то Арья, то Анна. А однажды меня назвали Рианна, неужели я похожа на Рианну? — Я рассмеялась, и Андрей Викторович улыбнулся без следа осуждения.

— И вы не позволите мне назвать вас Арьяна? Мне просто нравится, как это звучит. И я ни в коем случае не назову вас Арианной или Рианной, я не поклонник поп-культуры.

Я почти таю, как мороженое, на солнце, но беру себя в руки.

— Увы. Это правило для всех, зачем что-то менять, если все довольны.

— И вы тоже? — Улыбка соскользнула с его лица так же быстро, как падает со стола невзначай задетая кружка.

3

Двигатели ревут снаружи, звук бьется об обшивку самолета, но внутрь проникают только упрямые волны. Легкий шум, духота выветривается, как только заработали мелкие вентиляторы над головой. Впереди долгий перелет — так себе удовольствие. Все расселись, мы пережили взлет, парим будто медленно, но на самом деле со скоростью 830 км/ч (параноик во мне захватил тело и загуглил все данные про самолет Боинг 737-800).

Теперь можно оценить ситуацию. Место не у окна. По соседству пожилой мужчина и молодая парочка, позади три женщины, впереди между сиденьями мелькают чьи-то головы. Детей на го-

ризонте нет, а те, что есть, будут всю дорогу залипать в телефоне. Последую их примеру. Я скупила все книжные новинки и с десяток аудиокниг и готова погрузиться в мир фэнтези, воображать себя Беллой, страдать от любви к оборотню и вампиру, как в юности. Хочу захлебнуться и утонуть в потоке слов и образов настолько прекрасных, что дыхание будет перехватывать.

В старших классах любовь к фэнтези преобразовалась и породила любовь к мифам и легендам, древним сказкам и преданиям. Меня влекли мифические миры Востока. Теперь, когда я слышу гром, то представляю трехпалого японского бога Райдзин, который пляшет на тучах и стучит в барабаны. Если передают штормовое предупреждение, то это гневается четырехпалый Фудзин, он развязал мешок с ветрами и обрушил ураган на людей. Я давно выросла из этих сказок, но часто по привычке ищу объяснение простым вещам в мифах и преданиях.

В школе я мечтала, чтобы изучение восточных языков, мифологии и литературы стало делом моей жизни, но мать сказала, что из гуманитарных наук только история чего-то стоит. В итоге я учитель истории, а в планах матери — кандидат исторических наук. Легко так говорить, когда ты доцент Энергетического университета, оцениваешь энергоэффективность в регионе и разбираешься в базах данных. Я отстаю право не любить математику так же сильно, как ее любит мать. Но не смогла отстоять любовь к востоку, литературе и языку.

Уже четырнадцать минут книга рассказывает про вымышленный мир, а я возвращаюсь к матери и пытаюсь спорить с ней. Раньше надо было, сейчас чего, у тебя красный диплом и оливье из дат. Спросите меня, сколько было русско-турецких войн, и я отвечу неверно. Еще две минуты книги прошли мимо. Я достаю кофту и прикрываюсь ею будто пледом, отматываю на начало, слушаю заново. Два предложения, а мысль улетает, как летит самолет сквозь облака. Под нами широкий простор родной земли, надо мной сумрак, голоса, рокот двигателей и сон.

Вижу себя со стороны, ни комнаты, ни слепого глаза луны. Будто я — то самое черное облако за спиной, смотрю на себя, смеиваюсь. Вдох, и снова в своем теле, но теперь точно знаю, надо мной кто-то. Пытаюсь проснуться. «Арьяна!» — кричу у себя в голове. Чувствую, как сползает кофта, ключицы и плечи холодит ветер кондиционеров. Хочу проснуться, мучительно

тяну кофту наверх, прикрываюсь, будто щитом, от того, кто сверху. А кофта снова ползет вниз. Руки еле слушаются, пытаюсь поднять кофту, но ткань скользит по коленям вниз. Я открываю глаза, а черный комок сидит в ногах, красные огромные глаза, и ручищи тянут одежду в рот. Я кричу, пытаюсь отстегнуть ремень, пинаю ногами тьму.

— Девушка! Девушка! — кричит кто-то. Я просыпаюсь и вдыхаю, хватаюсь за ручки, задеваю соседа, он не спит, смотрит на меня с любопытством. Вжимаюсь в кресло, мне неловко, потому что вспоминаю, что снова в самолете, и одновременно страшно, будто я еще во сне. Только потом замечаю парня с переднего сиденья, торчит только голова. — Перестаньте пинать кресло!

— Угу, — быстро киваю.

Осторожно гляжу в ноги. Кофта валяется на полу, на светлой ткани следы от подошвы кроссовок. Извинившись, пытаюсь встать, ноги онемели. Мне удастся это только со второй попытки.

Умываю лицо, дышу, мучаюсь, пытаюсь оторвать от себя липкие воспоминания сновидений. Где грань между реальностью и игрой воображения?

Опять дышу, медитирую, считаю до десяти и обратно, приземляюсь. «Чур меня. Пошел прочь, дурной сон», — я чувствую себя живой.

«Пап, я в Улан-Удэ. Долетела. Позвоню позже, у вас ночь». Разница во времени пять часов, здесь утро, Москва все еще спит.

Во рту сухо, в желудке жжет. Голова трещит, сердце колотится так быстро, будто я пробежала марафон, а руки трясутся — снаружи не видно, но внутри вибрации вот-вот проломают слой кожи и вырвутся наружу.

Есть время на завтрак. Эспрессо мое сердце не выдержит, даже маме в моей голове не надо об этом говорить. Мозг все равно отключится где-то по дороге, кошмар снова завладеет телом, так зачем мучить сердце, заставлять его отчаянно качать кровь. Я мечтаю, как закажу себе большой сладкий капучино, но упакованный сахар так и останется лежать на блюде. Сливки дадут то количество сладости, которое необходимо. Нежная пенка с узором — меня не волнует эстетический вид, главное вкус. В каждой капле блаженство.

Шагаю по родной земле, за мной устало плетется чемодан. Я не взяла очки, а солнце с утра зарядило круглую желтую пластинку и

будет палить весь день. Хорошо, хоть есть кепка. «В Бурятии 300 солнечных дней в году», — умный Гугл знает все. Либо я обзаведусь очками, либо ослепну. «Миленький прогноз погоды, порадуй меня», — включаю геоданные, открываю местный прогноз погоды. «В Хоринске дождь». Хвала небесам!

Я попала в крошечный мир — миниатюрный аэропорт сменился тесными улочками и низкорослыми деревянными домами.

— Частный сектор, — экскурсия от таксиста. — В центре у нас красивше, но самая прелесть за городом и на Байкале.

Двадцать минут потребовалось, чтобы с окраины машина примчалась в центр. Может, здесь и «красивше», но я слишком устала, чтобы разглядывать фасады зданий. С городом и так все ясно — типичный и провинциальный, в России все города одинаково унылые, как Иваново. Пыльные улицы, потрескавшийся асфальт, хаотичная застройка, торговые центры на каждом углу, металлические ограждения вдоль дорог.

Сначала порция углеводов, капучино, и только потом автобус до Хоринска. Два часа в Бурятии без кофеина невыносимы. К симптомам панического расстройства и недосыпа прибавилась тянущая боль в мышцах. Я знаю, что это все психосоматика и усталость. Вот все закончится, устрою себе выходной, куплю томик новой книги, пойду в кофейню на свидание с нежным рафом. Какое заведение следующее по списку? «Молоко» на Большой Дмитровке. Английский сдержанный интерьер, хрустальные люстры, темная мебель, высокие лампы, мягкие кресла. Я предвкушаю, как растворюсь в легком облачке концентрированного аромата кофейного напитка, пропаду между строк, потеряю счет времени и буду по-настоящему счастливой.

А пока я в небольшом кафе на автовокзале, за столиком кто-то пьет водку без закуски, летают мухи, пахнет подгоревшей едой. И вместо кофе мне предлагают чай с молоком.

— Нет, спасибо, мне нужен кофе, желателен внутривенно. — Я улыбаюсь, в ответ женщина тычет в барную стойку, где висят пакетики быстрорастворимого кофе. Я тяжело вздыхаю. — Согласна, наливайте.

Никакого узора на пенке, прозрачные пузырьки болтаются на поверхности. Я просто хочу, чтобы этот ад поскорее закончился. Иваново уже не кажется таким затхлым.

Автобус Улан-Удэ—Хоринск готов к отправлению. Гуглю замысловатые названия, чтобы знать, откуда я родом.

4

Давным-давно, когда деревья росли до небес, а небеса были прозрачными, как стекло, по бурятской земле бродил меткий стрелок Хоридой. За могучими плечами его висели лук и стрелы, руками он мог обхватить землю, а от дыхания рождался ветер. Жил богатырь среди холмов скалистых, среди рек горных. Байкал-батюшка наполнял его силой, питьевой водой поил, свежей рыбой кормил.

Однажды Хоридой переплыл Байкал и оказался на острове Ольхон. Скалы на острове острые, травы буйные, ветра гжучие, волны бойкие. С одного берега ледяная вода бьется о горы, бурлит пеной, не дает покоя Ольхону. С другой стороны плещется тихо, легкой рябью покрывая воду. Синева озера манит вдаль, бродит Хоридой по берегу, слушает плеск волн.

Видит, что плещутся в ледяной воде три прекрасные девы, волосы длинные до пят, черные, как смоль, кожа белая, будто лебединое крыло, смех звонкий, будто с гор струится ручей и звенит колокольчиком вода. Двое девушек поодаль плавают, одна совсем близко, можно разглядеть ее упругие груди, округлые бедра. А на берегу песчаном лежат одеяния. Недолго думая, Хоридой спрятал одежду одной из девушек, а сам скрылся за высокими кустами, наблюдает, еле дышит, чтобы не спугнуть ветром девушек прекрасных. Воротились девицы на берег, двое нашли свою одежду, обернулись лебедями и упорхнули ввысь. А одна бродит по берегу, ищет свою одежду, смотрит вслед улетающим сестрам-птицам, криком кричит.

Спрятал Хоридой далеко за пазуху платье девичье, вышел из-за кустов представился, поклонился, попросил руки и сердца. Поняла прекрасная девица-лебедь, кто одежду ее похитил, а теперь и сердце ее заточить пытается. Но виду не подала, поклонилась ему в ответ и дала согласие. Вернулись молодые на берег, зажили счастливо под небом прозрачным, в юрте теплой, на земле плодородной. Родила девица-лебедь Хоридою одиннадцать сыновей. Так появились одиннадцать бурятских родов по сей день известные миру.

Много лет прошло, стали дети Хоридоя могучими богатырями под стать своему отцу. Девица-лебедь все также прекрасна, лишь

седина белым пером коснулась ее волос. С той же тоской глядит она на прозрачное высокое небо, где летают ее сестры-лебеди.

Попросила она однажды Хоридоя, мужа своего, чтобы разрешил напоследок примерить свою одежду прежнюю. Нехотя достал из старого сундука белые длинные одеяния. Шелковой рекой заструились ткани по юрте. Надела девица-лебедь платье свое, расправила руки-крылья, оглядела детей своих и, не поцеловав мужа на прощанье, вылетела птицей через дымовое отверстие юрты.

Десятки лет прошли с той поры, родилось у этих одиннадцати детей Хоридоя и девицы-лебедя по одиннадцать детей, и у тех детей по одиннадцать детей, и распространился род славный по всей земле бурятской от северных земель, где почва мерзлая, до жарких монгольских пустынь. Прошли сотни лет, и нет места на земле, где не ходили бы потомки Хоридоя и девицы-лебедя. И столько же в небе парят — девушки птицами обернулись, служат царице-лебедю, а мужчины ханами-Тэнгри стали, ветрами могучими управляют. Потомки помнят и почитают лебедь-мать, и каждый раз брызгают молоко к небу вслед летящим белым лебедям. Благосклонна она к детям своим, щедро одаривает она тех, кто помнит ее. А кто позабыл, к тому посылает она своих сестер лебедей, напоминает о себе, о родине, о предках. Но глухи люди к мольбам птиц, не слышат, не видят ничего. Злится царица, козни строит, проклинает. Без роду без племени, не зря говорят о таких людях.

5

Непослушный автобус сильно трясется по ухабистым дорогам. Степь тянется уже битый час, глазу не за что зацепиться, травы и кочки. И небесная синева тянется куполом над нами, и жарит солнце. Я представляю, как в облаках парит лебединая стая, машет крылом.

Степь сменяется лесом, вырастают сопки, горы, дорога тянется то вверх, то вниз. Пейзаж за окном сливается в зеленое полотно, глаза смыкаются, и меня уже не разбудить. Крепко сжимаю телефон, кошмар крепко сжимает меня. «Отпусти, я больше не выдержу», — молю, и кто-то смотрит строго сквозь гущу облаков, воздушное пространство, сквозь стены автобуса и клетки кожи, сквозь плоть — в самое нутро. Сжалился.

Мне снятся дева-лебедь в белых одеждах и знакомый взгляд сквозь тысячи лет. Я бегу за ней, чтобы обнять, почувствовать тепло тонких рук и нежность длинных пальцев. Я бегу, будто дева-лебедь — мое спасение, но руки превращаются в крылья, белые ткани оборачиваются перьями. И прощай! «Стой, я с тобой», — кричу во все горло. Птица машет крылом. Синь могучего неба затягивает ее в вышину. А я бегу по берегу и дальше по воде. Холодное озеро проглатывает, накрывает волной. Задыхаюсь. «Подожди, не оставляй меня здесь, я одна и мне страшно», — но дева-лебедь улетает, а я тону. Водная толща давит на грудь, голову и ноги. Спина касается дна, а это не дно вовсе, а уже привычная липкая кровать. Я в паутине кошмаров, в комнате без двери.

— Нет! — кричу вслух и просыпаюсь.

Сосед оглядывает меня узкими глазами-щелками и дальше спит. Остальных мало заботят чужие сны. Я глубоко дышу: вдох на четыре счета, пауза на два, выдох на четыре. Три круга, и становится легче, семь кругов, и пульс замедляется, пятнадцать, и можно достигнуть дзена. Мне достаточно пяти, чтобы сознание пропиталось явью, воспоминания о кошмаре отошли назад.

Дурные сны прекратились, когда в моей жизни появился Пушистый, и вернулись, когда он умер. Мелкий комок шерсти кинулся мне в ноги, когда я поздно возвращалась от репетитора. Математика не давалась мне с рождения, два и два в голове складывались в призрачные миры, но никак не в четыре. В темноте чуть не наступила на котенка. «Прости, малыш, но взять я тебя не могу», — я погладила Пушистого и отодвинула его в сторону. «Мя, я не понимаю человеческого языка», — ответил он, и моторчик внутри запустился от первого прикосновения. Я сделала еще пару шагов, и мелкий снова бросился в ноги, я отдала ему лапу. Иду опять, поднимаю ногу, свечу телефоном, а пушистый дымчатый котенок уже распластался на земле передо мной. «Ладно, будешь моей тайной. Мать узнает — убьет, но что теперь с тобой сделаешь». Прижимаю малыша к груди, а он вибрирует, как реактивный двигатель.

Отец в тот же вечер обнаружил лужу на полу, потом услышал подозрительные звуки в комнате в паузах между песнями, которые в тот вечер играли слишком громко. Я спрятала Пушистого под кровать, когда отец постучался и осторожно вошел в комнату,

но мордашка тут же высунулась из-под покрывала. Они долго смотрели друг другу в глаза.

— Он сам меня выбрал, — оправдывалась я. — Кинулся в ноги, будто просил, чтобы я взяла его.

Отец ухмыльнулся и сел на кровать. Кот потерся об его ногу. Есть контакт.

— Тебе опять снятся кошмары? — неожиданно спросил папа.

Я кивнула. В дни когда я особенно нервничала, плохие сны одолевали меня сильнее, будто чувствовали, что я стала слабой, и атаковали с новой силой. Иногда мне казалось, что я сойду с ума. Днем мучила жизнь, ночью — кошмары. Наверно, отец слышал, как мои стоны по ночам, один раз упала с кровати, пока пыталась отбиться от голосов.

— У моей бабушки в деревне было три кота — черный, рыжий и серый. Помню, что черного звали Баюн, я всегда думал, что он должен убаюкивать, помогать уснуть. Он как раз громче всех мурлыкал. Но именно этого кота бабушка гнала на ночь, а с теми двумя ложилась спать. Она говорила, что спит крепко только благодаря котам. Может, он станет твоим лекарством от плохих снов.

Вот оно, пограничье между западным миром и восточным. Если полностью погрузиться в другую веру, стать частью иного мира, что будет тогда? Схожу в церковь с отцом, пусть меня крестят, буду молиться иконам, полностью похороню другую часть себя. Меня будут охранять ангелы и коты из бабушкиных рассказов. Вера — это выбор. И пока я не готова его сделать. В схватке миров пока 0:0.

Забавно, но мама не замечала присутствия нового члена семьи вплоть до окончания экзаменов. Счастливая мордашка подросткового кота высунулась из моей комнаты, когда мать отчитывала меня за низкий балл по математике. Отец и Пушистый взяли огонь на себя, мне и так досталось от матери. А она еще неделю сыпала ругательствами, пока институт не опубликовал списки на зачисление. Я поступила на бюджет, и мать оттаяла.

Так Пушистый прижился, освоился и стал моим спасением. Мы с котом делили на двоих одну кровать и бутерброды с колбасой. Я обнимала по ночам мурчащий комочек, и кошмары отступали, все, как обещал отец. Будто малыш меня охранял. И длилось это счастье всего шесть лет. «А потом, Пушистый, тебя не стало», — шепчу его имя, складываю губы трубочкой, будто целую воздух. Целую тебя, мой дорогой защитник.

Я помню, как мы поселились в полупустой квартире. Я и ты. Отец накопил, настоял, купил и подарил мне квартиру на окраине Иваново, когда я закончила институт. Пустая, однокомнатная в старой хрущевке. Только пластиковые окна новые, остальное все с налетом былой жизни — три слоя краски на косяках дверей, потертые обои и скрипучие полы. «Пап, спасибо, лучше тебя в мире нет никого», — абсолютное счастье не столько самостоятельной жизни, сколько жизни вдали от матери. Тяжело находиться рядом с человеком, который идеален во всем. Но если бы я выставляла оценки в персональном табеле матери, по дисциплине «Материнство и родительство» у нее стояла бы тройка. От этой мысли мне всегда смешно, но, попробуй скажи ей это в лицо.

Впереди у нас с отцом был ремонт, все сделали своими руками за три месяца лета. Потом появились кухня и кровать — папа снова помог. И наконец в нашем с Пушистым доме стало уютно.

«Остальное сама, ты уже работаешь», — сказала мама и больше ни разу не приехала ко мне в гости. Слишком много работы.

Когда становишься взрослой, шутка про сковородки по акции больше не смешные. Я получала стипендию, работала на кафедре, читала лекции по истории, иногда писала за студентов курсовые, и папа иногда перечислял мне деньги на карту с разными забавными сообщениями: «На шкаф», «На косметику», «На новую юбку». Так в новой квартире выросла мебель. Вещи из чемоданов и коробок перебрались в шкаф, за ним пряталась кровать. Ночью свет луны падал прямо на меня, поэтому я выбросила старые шторы, которые отдала мне мать, и раскошелилась на портьеры. До самого пола темная плотная ткань скрывала не только свет луны, но по утрам в выходной день не давала пробиться солнцу.

Пушистый вместе со мной радовался появлению стола, стула с высокой спинкой, полочки для косметики — есть где пакостничать. Пару картин и зеркало на стене он не оценил.

За пару дней до смерти Пушистого мне приснился необычный сон. За окном летали птицы — чайки, ласточки, голуби. Все смешались в воздухе, как оголтелые кричали. Стоял шум — взмахи крыльев и птичье разноголосье. Но птицы были слепы, не видели, куда летят, врезались друг в друга, в стены домов, в витрины, падали со стоном на землю. Через пять минут вся земля была усыпана телами мертвых птиц. Перья парили в воздухе и медленно падали

вниз, покрывая землю черно-белым ковром. Одна птица со всего маху врезалась в окно, оставив кровавый отпечаток. Я проснулась от грохота — Пушистый уронил баночку крема. Ощущения от сна были жуткие. Нет, не привычный кошмар из детства. Все дни после сновидения на душе было скверно, я старалась не обращать внимания, оказалось зря.

Однажды я пришла с работы в квартиру, а кот не встретил меня своим «Мя». Тишина взорвалась гранатой, оглушала, убивала. Я сразу почувствовала неладное, бегала по квартире в обуви, оставляла пыльные следы на ламинате цвета беленого дуба. У миски нет, на лежанке нет, на кровати нет. Пушистый забился в углу комнаты, лежал лапами вверх, неестественно вывернутый пологой дугой.

Я рыдала, обнимала малыша, гладила по пушистой шерстке и прижимала к себе. Но моторчик радости и любви больше не работал. Я уложила его на лежанке, накрыла белым полотенцем. Будто к утру он проснется, оживет, забегает по квартире, роняя косметику с полки.

Тьма окружила сначала комнату, потом кровать, потом меня всю. Та самая комната без выхода, которая снилась мне с детства. Теперь я узнала ее — это моя квартира. Из-за шкафа не видно двери, вот тебе и комната-коробка, окно напротив — шторы не задернуты, плянется луна. Не могу пошевелиться, то ли сплю, то ли бодрствую в горячке. Вижу у стены мой стол, стул, а на нем вещи горой — кофты, платья и пальто. Нагромоздилась куча, и будто сгорбленный старик, нависший над столом, дышит бесшумно. То нарастает, то сдувается. А в углу, где умер Пушистый, паучок плетет паутину, прерывается, смотрит крошечными жгучими глазами, потом опять берется за свое. Паутина черная, как ночь, а каждая ниточка будто нож — отсекает угол комнаты. Чем больше паутина, тем ближе он ко мне, тем больше чернеющая пустота в углу. И кто-то шепчет над головой на непонятном языке, хочу запрокинуть голову вверх, выгнуться всем телом, глянуть, но липкая кровать держит в силках. И я кричу, а выходят сдавленные звуки. А в изголовье уже кто-то ползет, прогибается кровать, шорохи ближе. Кто-то тянет за волосы и холодной рукой касается лба.

Просыпаюсь!

Теперь я боюсь своей квартиры, боюсь спать, боюсь всего. Я и раньше была трусиха. Никаких фильмов-ужасов на ночь. Без Пушистого я осталась одна. И нет в моем окружении ни одного человека, которому я могла бы рассказать о дурных снах. Ира и Катя

далеко, по телефону таким не поделишься, коллеги только коллеги, есть еще отец, дружелюбная соседка и несколько ребят, с которыми я хожу на фитнес, и иногда мы заглядываем в игротеку — с ними я недостаточно близка.

Я тет-а-тет с кошмарами, спасаюсь новой порцией кофе. Одиночество — это когда некому рассказать о своих ночных кошмарах.

6

Дорога петляет по плоскогорью. Местность разнообразная, диву даешься, как причудлива природа. Зеленые долины и рыжие степи сменяются куполообразными вершинам одиноких гор, где-то вдалеке возвышаются гривы остроконечных хребтов. А порой лес вырастает стеной с двух сторон. Концентрированное солнце скрылось за густой пеной туч, и сразу похолодало. Достая телефон, вторая попытка погрузиться в чтение. Вдруг автобус снижает скорость, сворачивает с дороги и тормозит. Я смотрю по сторонам, выглядываю в окно, никто не сдвинулся с места. У дороги беседка с крышей в восточном стиле — углы загнуты вверх, внутри молитвенный барабан, и много пестрых вязочек на деревьях.

— Сейчас поедем, не переживай. Ты не местная, да? — говорит пожилая женщина с пышной прической прямиком из девяностых.

— А что происходит?

Водитель стоит вполоборота, наливает водку в рюмку. Он что, собрался пить за рулем? Вместо этого он натягивает шапку на голову, замирает на секунду, а потом резко взмахивает рукой. Прозрачные капли взмывают вверх и тут же падают на землю.

— Здесь святые места, надо бурханить.

— Бур... что?

— Брызгать, задабривать духов местности, — уточняет женщина.

Я делаю вид, что поняла. Водитель быстро возвращается на место, автобус трогается. Что-то припоминаю из детства. Точно так же делали бабушка и тетя, а мама никогда.

Три часа в дороге пролетели. Я прослушала четверть книжного аудиотрека. Спасибо актеру озвучки, мужской баритон не давал заснуть и открывал миры демонов и убийц. Я бы там осталась, среди них иногда даже комфортнее, чем в жизни с людьми.

Хоринск встречает морозящим дождем, запахом сырой земли, свежескошенной травы и навоза. Горы тянутся цепочкой, кругом разносортные деревянные дома, коровы щиплют траву, ветер путает мои волосы. Я собираю их в хвост и надеваю кепку. Дружелюбный пес застыл в ожидании подати, только рот раскрыт, красный язык болтается. «Я сама еще не ела, давай, Расскажи мне, где здесь можно перекусить, и я тебя угощу», — разговоры с животными вошли в привычку с появлением Пушистого. Пес машет мордой в сторону невысокого домика — на самом деле, его одолели мухи. Когда пес понимает, что ждать от меня нечего, сбегает в подворотню.

В меню много мясной еды. Король всех вечеринок — буузы. Те же манты, но с отверстием сверху. Нет, спасибо, мне пюре с котлетой. Кофе нет в помине, даже растворимого, только чай с молоком. Нет, спасибо, давайте с лимоном.

День в разгаре, до улуса ехать еще час, лишь бы транспорт найди. Я открываю гугл-карты, подхожу к водителю автобуса. Мужчина с седой головой и в жилетке с десятком карманов, из которых торчат бумажки, деньги и документы, вез нас из Улан-Удэ.

— А как добраться вот досюда?

Он щурится, берет телефон, то уменьшает, то увеличивает карту.

— Это вам с Серегой до Амгаланты⁵, выйдешь на полпути, а дальше не знаю. Ну, на попутках доберешься, — хрипит прокуренный голос, а потом громко на всю улицу: — Серега, возьми еще одну?

Худой мужчина, будто трость проглотил, подходит к нам, на ходу поправляет на голове кепку-треуголку.

— Куда едем?

— До Амгаланты возьми ее, смотри, ей сюда. — Водитель тычет в мой телефон.

Они оба опять колдуют над экраном — ближе, дальше.

— У-у-у, а там еще кто-то остался, думал, померли все. Ну, на попутках доедешь, — повторяет он.

— А такси? — Я забираю телефон.

Щуплый и седой смеются, будто я рассказала какую-то байку.

— Богатая, что ли? — Мужчина опять поправил кепку.

Я жму плечами. Седой машет головой и диктует пару номеров. Звоню, объясняю куда ехать, без наглядной карты сложно — названия у деревни нет. Можно позвонить родственникам, чтобы

⁵ Амгаланта — населенный пункт в республике Бурятия.

встретили, но я их знать не знаю. Приеду, представлюсь, сделаю дела, уеду.

Первый таксист в Улан-Удэ, вернется через неделю. Второй говорит, что там дороги размыло, не поедет туда. Больше таксистов нет. Сажусь к тому самому Сереге в машину. Нужно добраться до места, пока не стемнело.

Машина быстро летит по хорошей дороге и медленно плетется по плохой. Дворники смахивают мелкие капли. Четыре пассажира не обмолвились и словом. Мне нравится это молчание, еще бы заткнуть магнитола, изрыгающую шансон. Даже аудиокнига не спасает, я продолжаю слышать текст о тюремной жизни. Полтора часа тянутся двадцатью пятью треками шансона. На двадцать шестом Серега высаживает меня на середине пути. Здесь лес стеной, а за ним горы, тихо, пусто и сыро. Дождь закончился, травы медленно раскачиваются на ветру, сбрасывая последние капли на землю.

— Тебе туда, по проселочной. Кто-нибудь поедет, подберет, — наставляет водитель.

Клубы пыли, и машина едет дальше. Съезд с основной дороги тянется узкой полосой между высокими хвойными деревьями. Я стою на обочине. Земля напиталась влагой, дорога сплошное месиво. Гугл подсказывает: «42 минуты на машине, 4 часа и 24 минуты пешком». Мечтаю о каршеринге в Хоринске, все стало бы намного проще. Но где уж тут, если в поселке всего два таксиста.

Жду пятнадцать минут, две машины промчались мимо, никто не свернул. Плохая идея добираться самостоятельно. Я передумала, звоню родственникам, у меня три номера. Сначала телефон обрадовал сообщением: «Нет регистрации в сети». После такого следует немедленно вернуться в Хоринск, там есть связь, люди, чай с лимоном и пюре с котлетой. Взбираюсь на пригорок у дороги, поднимаю телефон над головой. «Абонент временно недоступен». Связь есть — это хорошо, контакта нет — это плохо. Осталось два номера, но ответ прежний.

Черт!

Вопру добавить к двум проблемам России третью — отсутствие сети в отдаленных районах. Или сетовать об умирающих деревнях. Как люди здесь выживают без дорог, связи, интернета, доступной среды, развлекательных центров, школ, больниц?

Я смотрю на большую лужу прямо на дороге и вспоминаю, как приезжала сюда, когда мне было 11 лет, и дети звали меня прыгать через такую же лужу во дворе, а я не пошла.

7

Мама возила меня в гости к бабушке трижды. Я запомнила только последний.

В ту неделю лил дождь, дорогу точно так же размыло. До деревни добирались на трясущемся уазике. Все стекла забрызгало грязью, и два часа развлечения в машине — разглядывать собственные пальцы на руках. Нас встретила мамина сестра — тетя Лосолма, ее дети Баатар⁶ и Сэсэг⁷. Медленно по ступеням спустилась и подошла ко мне старенькая бабушка Чимицу⁸. Она долго обнимала меня морщинистыми мягкими руками. От нее пахло домашним хлебом, байковый халат в цветочек давно выцвел, но остался очень мягким. Лицо бабушки было темное, загорелое, цвета печеной в кожуре картошки, глаза карие, седые волосы заплетены в косу, хвост торчал из-под уголка платка. Она погладила меня по голове, что-то сказала на бурятском и поцеловала в лоб.

От калитки тропинка вела к большому бревенчатому дому. Большая ограда, много построек — летняя кухня, баня, дровник, позади загон для скота. И много зелени — кусты и трава. Я запомнила этот дом цветущим, красивым, добротным.

Вся родня говорила на бурятском языке, а я не понимала ни слова. Иногда они переходили на русский. Деревенская ребятня с любопытством разглядывала меня, шепталась, посмеивалась над светлыми брюками и звала играть на улицу. Я не пошла.

В первый день ни со взрослыми, ни с детьми я не нашла общий язык, чувствовала себя чужой. Я помогала матери мыть посуду в большой миске, готовить еду и гладила упитанного рыжего кота, которого звали на бурятский манер «кэсхэ». Мне не нравилось это имя, поэтому я называла кота Альбертом, потом оказалось, что Альберт — девочка.

⁶ Баатар в переводе с бурятского — «богатырь». Слово образовано от старомонгольского Багатур. Русское слово богатырь также произошло от этого слова.

⁷ Сэсэг — в переводе с бурятского «цветок».

⁸ Чимицу — женская форма от имени Чимит, что в переводе с тибетского «бессмертный».

На второй день я подружилась с сестрой Сэсэгой и братом Баатаром, познакомилась с соседской девочкой по имени Дарису'. Она научила меня лазать по крыше и воровать черемуху у старенького дедушки через дорогу. В нашей ограде росла точно такая же черемуха, но ребята сказали, что у соседа черемуха вкуснее, потому что он поливает специальным удобрением. Мы пробирались вдоль забора, проползали под окнами, чтобы старичок нас не увидел. Залезали на крышу сарая и тянулись к самым верхним веткам. Спелые черные бусины висели на красных черешках и блестели будто чьи-то глаза. Вяжущий терпкий вкус наполнил весь рот, что язык прилип к нёбу. Мы громко смеялись, обнажая почерневшие зубы, и совсем забыли, что занимаемся воровством. Старый дедушка с тростью вышел из дома и громко закричал. Мы сбежали. Я думала, что теперь нас ждет расплата, дедушка нажалуется матери, ей придется за меня краснеть. А она профессор, важный человек, как часто говорил про нее отец. Но дедушка не пришел ни в первый раз, ни во второй, ни в третий. Дарису сказала, что самое главное — не ломать ветки черемухи. А то, что он выходит и кричит, — это только для вида. Ягода все равно осыпется и пропадет, потому что она ему не нужна, а родных у него нет. А те, что есть, не приедут в гости ради пары литров черемухи.

Вдоволь набегавшись вечером, я быстро уснула. Мне снился старенький дедушка с тростью, черная ягода на ветках на фоне синего неба и вкус вязкой черемухи. Он разрастался и заполнил весь рот внутри и снаружи. Не могу вымолвить и слова, сквозь сон хочу позвать маму, но рот будто в паутине. И я вся в паутине, кровать-ловушка держит в силках. Под потолком густая тьма спускается и давит на грудь.

— Арьяна, проснись. Это кошмар. — Меня будит мама, треплет за плечо, и я делаю вдох.

Она прижимает к себе, накрывает одеялом, и все, что за его пределами исчезает во мраке.

На третий день мы с Баатаром, Сэсэгой и Дарису с черемухи переключились на малину и смородину в нашем огороде. Но мама нас строго наругала — ягода в деревне не ради лакомства. Тогда ребята показали, как есть дикорастущий щавель и заячью капусту. Смесь диких растений в моем животе стала проситься наружу к обеду. Вместе с тем, как на столе росла гора пирожков и вкусных булочек, которые пекла тетя, внутри меня нарастала тошнота. Пестрая слизь из зелени и ягод покинула тело, и я лежала на крова-

ти без сил. Голоса на кухне громко звучали за стеной из высокого шкафа. Мамина сестра назвала меня слабой и беспомощной.

— Все городские дети такие, к жизни не готовы, традиций не знают, живут потерянные. Она же бурятка, — ворчали голоса сквозь сон.

— Только наполовину, — мамин голос.

— Пожалеешь потом, что не научила дочь ничему.

Я погрузилась во тьму и проснулась, когда мама уже лежала рядом. Она снова накрыла меня одеялом, положила сверху руку и тихо спала. Я чувствовала себя прекрасно — выпалась, живот не болел, тошнота прошла. В соседней комнате горел слабый свет, я разглядывала очертания теней. Параллели и перпендикуляры — линии сходились и расходились. Я зажмурила глаза и попыталась заснуть. Ничего не вышло, тогда я открыла глаза, но не увидела ни шкафа, ни бабушкиного покрывала, перекинутого через веревку, ни комода. Мгла. Долгие минуты картинка перед глазами не менялась, я потеряла глаза, поворачивалась влево и вправо. Но я будто провалилась в пустоту, и на сотни километров от меня непроглядная чернота. Потом вдалеке появилась белая точка, она быстро стала приближаться. У белого пятна появилась тонкая шея, выросли крылья. Взмах! И лебедь застыл прямо перед лицом. Красный клюв, белоснежные перья и черные глаза-бусинки гипнотизируют, я застыла в изумлении. Гляжу, не налюбуюсь. Взмах! И все исчезло.

— Арьяна, вставай, я кашу наварила. — Бабушка гладит меня по голове, и я открываю глаза.

Светло. Петухи отпели. Коров надоили и выпустили на пастбище, все разъехались.

Тот день я провела с бабушкой. Мы почти не понимали друг друга, она говорила на бурятском, но знала несколько простых русских слов. Мы общались с помощью жестов, интуитивно понимая друг друга. Бабушка смотрела на меня с теплом и улыбалась. Цветастый платок, покрывавший ее голову, раскачивался из стороны в сторону, когда она не находила русских слов, чтобы выразить мысли. В такие минуты казалось, что она недовольна.

Я долго ковырялась в каше, поглядывая на полки буфета. Вдруг вчерашние вкусы остались. Но бабушка что-то проворчала на бурятском, и я, чтобы не расстраивать ее, быстро доела кашу. Тогда она достала две ароматные деревенские ватрушки, завернутые

в белое вафельное полотенце. Мы сидели у окна, яркие солнечные лучи проникали внутрь через двойную оконную раму, нагревали стол, стеклянные вазочки с вареньем и мое плечо.

Внезапно бабушка вскрикнула и выронила кружку. Старый крепкий фарфор даже не треснул, густой чай растекся по деревянному полу и струйкой сбежал в щели. Старушка засуетилась, забегала по кухне, достала с полки небольшую кружку с рисунком утенка и глянула в окно. Я тоже посмотрела, но ничего не увидела. Ее ноги ходили медленно, руки — загорелые, в морщинах — подрагивали. Но сейчас она шустро схватила пухлый заварник. Крышка норовила упасть, но бабушка ловко подхватывала ее и ставила на место. Небольшая металлическая кружка доверху наполнилась чаем. Бабушка поправила платок, быстрым движением заправила седые волосы. Я оглянуться не успела, как она взяла кружку чая, схватила меня за руку и потащила на выход.

Мы вышли на крыльцо, свежий легкий ветер ласкал лицо, слепило солнце. Бабушка махнула рукой вверх: «Смотри». Голубое небо — ни облачка, а вдали несколько птиц. Рука привычным движением опустошила кружку. Взмах, и полукруглой дорожкой капель чай лег на зеленую траву. Дальше смесь бурятских и русских слов, из них я поняла только «лебеди», «брызгать», «небо». Бабушка нахмурила брови, и лицо превратилось в сморщенное запеченное яблоко. Узкие глаза смотрели на меня пристально, будто я должна была сама догадаться, о чем говорит старушка. Но я не понимала ни слов, ни смысла действия.

Вечером приехали мама с тетей, ребягня вылетела из машины.

— Вдоволь натряслись по ухабам, устали. Тебя я не стала брать с собой, ты же болеешь, — объяснила мама.

Ночью, когда все уснули, мы лежали с мамой на кровати. Она уже засыпала, когда я спросила про лебедей на небе и чай.

— Что делала бабушка?

— Она так молится. Здесь верят в духов, поэтому задабривают их.

— А мы верим в духов?

— Нет, — ответила мама коротко.

Еще четыре ночи мы пробыли в деревне. Дни пролетали быстро, я спрятала светлые брюки на дно чемодана. Дарису подарила мне свои старые джинсовые шорты с тремя заплатками, которые было не жалко еще раз порвать или испачкать. Для меня нашлась старая футболка, рисунок с нее давно стерся, ворот растянулся и постоян-

но спадал с одного плеча. Но мне это даже нравилось. Я прыгала с деревенскими детьми через лужу, ходила искать потерявшуюся корову, носила воду с водоклонки, поливала огород, бегала босиком по траве. Только черемухи и щавеля больше не касалась.

По вечерам, как только солнце пряталось за горой, вся ребятня разбегалась по домам. На улице все стихало, даже взрослые без нужды не выходили на улицу. В эти минуты перед сном мы с братом и сестрой прятались за печкой на скамейке, и они рассказывали местные страшилки.

— Ночью по нашей деревне ходит бабулька, она крадется от дома к дому, ходит медленно и очень тихо. Она бесшумно открывает калитку, проходит под окнами и идет в коровник. Коровы уже знают ее, поэтому стоят спокойно. Она стигается крюкой, седые волосы свисают и касаются земли, а потом и вся она переворачивается вверх ногами и пьет коровье молоко прямо из вымени. И лучше не беспокоить ее в это время, иначе она «Хвать!» — Баатар схватил меня за руку, я вздрогнула и закричала. — Тише! Ночью нельзя кричать, а то она услышит.

Сэсэг кивала.

— Да! Нельзя громко говорить, — шептала она. — А еще нельзя долго бродить по ночам. Если припозднишься, то можно увидеть, как с гор в овраги спускаются огни. Это духи прекрасных дев несут в руках негаснущие свечи. Нельзя к ним приближаться, а они так и манят.

— Неправда все это! — Я не верила ни единому слову, но на улице даже в туалет ходить боялась. Для детей в сенях было для таких нужд специальное приспособление — ведро. Противно, но лучше, чем бабулька-любительница молока.

— Не веришь? А мой отец сам встречал эти огни. А еще он рассказывал, что давным-давно, когда наши дедушки и бабушки жили в юртах, по степям бродила корова. С виду обычная корова, но если такую встретит путник, то она вставала на задние лапы, шла, как человек, и разговаривала. Днем они не водятся, только с заходом солнца выходят на пустые пастбища.

— Врете вы все!

— Нет, это правда, если не веришь, то спроси у бабушки, она много всякого видела своими глазами.

Меня пугали эти истории до жути, я даже оглядываться по вечерам боялась, вдруг кто сидит позади. К коровам близко не под-

ходила даже днем. Но каждый вечер я с нетерпением ждала новых страшилок, а в запасе у родных их было много. Каждый вечер Баатар и Сэсэг рассказывали все новые и новые истории. Одна запомнилась больше всего. Брат сказал, что у человека три души. Первая душа хорошая, она сразу отлетает после смерти к предкам, вторая путешествует во снах. Это очень опасно, потому что если она встретится со злыми духами, то они схватят эту душу, уволокут за собой в мир неживых, и человек умрет прямо во сне. Третья душа у человека злая, она навсегда привязана к телу человека, никогда его не покидает, даже после смерти остается жить на могиле. Именно поэтому буряты никогда не возвращаются на кладбище. Никогда.

Из всех историй и легенд эта пугала больше всего, потому что от остального можно было спастись, просто оставшись вечером дома. А все три души были во мне в каждую минуту жизни, и мне не очень нравилось, что во мне сидит зло. После первого ночного кошмара я боялась засыпать, но перед сном очень просила вторую свою душу особо не гулять по снам далеко от меня, чтобы ее никто не схватил. И несмотря на все эти жуткие истории, спалось в деревне мне хорошо. Ночью больше никто меня не тревожил, ни шорохи, ни темнота, ни лебедь. Я засыпала до того, как моя голова коснется подушки и вставала с первыми петухами. Так пролетел мамин отпуск.

На прощанье брат подарил книги, сестра — фломастеры, я брала Дарису, будто родную сестру. Мама обещала, что следующим летом я снова всех увижу, но больше мы туда никогда не приезжали. Когда бабушки не стало, мама одна съездила на похороны, и с тех пор я больше никогда не была на родине матери.

Я помнила рыжего кота и большую грязную лужу во всю улицу, новых друзей, брата и сестру и крепкий бревенчатый дом. После смерти бабушки в нем поселилась тетя. На редких фото, которые мне показывала мама, я видела уставшую и сильно постаревшую женщину с платком на голове. Совсем как бабушка.

Если бы легенды говорили правду, то моей праmaterью была дева-лебедь. Я закидываю голову кверху, лебеди давно покинули эти края. Страшилки из детства давно забылись, я перестала обращать-

ся к своим трем душам. Но на родной земле давние истории вспомнились, наполнили сознание и обволокли облаком тугого тумана.

Чур меня!

Не время раскисать, не страх, но беспокойство поселилось на душе, однако это трезвые чувства — одна в незнакомой глуши. Глупо не волноваться.

Небо теряет краски, мрачнее натягивается полотно туч. Ни одна машина не свернула с дороги в эту глушь, родня будто провалилась — потерялась без связи в сети. За это время я не видела ни муравья, ни жука, ни одной птицы — вымершая земля, на которой обитают только комары. Просовываю руки в рукава, чтобы согреться, и, чтобы злые комары кусали руки, прячу лицо в колени. Кровопийцы жужжат над головой, донимают.

Вокруг шумит лес, слякотная дорога — не пройти и шага. Приложение напоминает: четыре часа до цели пешком.

«К чему мне эти трудности. Надо было найти выход, решить вопросы дистанционно или просто плюнуть — не мои проблемы», — бурчу себе под нос. Сажу на чемодане, белые кроссовки в каплях грязи. «Интересно, в Хоринске есть гостиницы? Вернуться в цивилизацию, там есть еда, чай с лимоном — я согласна на него, теплая постель, люди, в конце концов», — мысли прервал странный чавкающий звук. Поднимаю голову, мимо меня медленно плетется лошадь — чвак, чвак копытами по раскисшей дороге. Кобылка тянет повозку, а на ней солома свисает, мешки кучей лежат, и старичок сгорбился весь, будто спит, но руки крепко держат вожжи.

— Пойдите, — кричу я, и телега останавливается. — Вы в тот улус, не знаю, у него, кажется, нет названия. — Хочу достать телефон, чтобы показать на карте. Старичок молча кивает головой, и все тело качается, как неваляшка. На нем толстая черная куртка, капюшон на голове, видны только морщинистые большие руки. — А можно с вами?

Старик опять кивает. Может, немой, кто его разберет. Но лучше добраться до деревни сейчас на повозке, чем ночевать в лесу. Закидываю чемодан, сажусь с краю. Лошадь беспокоится, издает громкий вибрирующий звук, недовольно фыркает, высоко поднимает голову и хвост. Старик жестко вскидывает вожжи, кричит нечленораздельно, может, на бурятском. Лошади ничего не остается, как подчиниться и идти. Бедняга медленно идет вперед — чвак, чвак.

Плохая дорога быстро заканчивается, дальше сбитый плотный протоптанный грунт, мы бодро едем. Тихо. Воздух плотный. Высокие хвойные деревья стоят недвижно. Тут вперемешку и сосны, и лиственница, и ели — их можно отличить по длине и цвету хвои и строению иголок. Миллион оттенков зелени.

Деревня оказалась ближе, чем подсказывал Гугл. Нечему удивляться, в этих просторах сам Гугл черт ногу сломит. Безлюдно. Одна улица, и с десятков домов. Телега останавливается напротив первого дома, я соскакиваю, беру чемодан и благодарю дедушку, что довез меня. Он молчит и только кивает в ответ, угрюмо так. Я хочу разглядеть лицо, подхожу ближе.

— Спасибо, дедушка! — почти кричу я, вдруг он плохо слышит.

Но старик вскидывает вожжи, лошадь опять нервно фырчит, дергает головой и с неохотой тащит телегу дальше по улице.

Беру телефон, звоню родственникам. Какой из десяти домов мне нужен? «Абонент временно недоступен». Кто бы сомневался, удивительно, что мой телефон словил сеть. Открываю сообщения от матери, где-то было сказано, что родственники сделали новую крышу. Да, точно. Здесь с новой крышей только один дом. Иду к нему.

Странно, но я совсем не помню этих мест. Нет ни черемухи в ограде, ни дома старика, у которого мы воровали ягоду. Доски штакетника местами оторвались, почернели, обуглились, будто их коснулось пламя. От крепкого бревенчатого дома ни следа. В ограде выросла трава с меня ростом, тропинку от калитки сделали из досок. Иду, старая, почти прогнившая древесина гнется под ногами: чвак, чвак.

Внезапно из конуры выскакивает мохнатое черное нечто. Не сразу соображаю, что это собака. Сердце ухнуло в ноги, кричу и бегу обратно. Животное несется вперед. Чемодан бросила в лужу, огромными шагами, наступаю мимо досок, оборачиваюсь — пес встал на дыбы и лает истошно и рычит, черная шерсть дыбится. Но стоит на месте. Цепь крепко держит обезумевшего пса.

— Хошь, хошь! — кричит старушка. — Свои пришли!

Выдыхаю. Старушка с зеленым платком на голове медленно спускается по ступенькам и тянет за цепь. Пес будто понял, бежит к хозяйке ластиться, потом идет в конуру.

— Пойдем, пойдем в дом, — торопит старушка.

Вытаскиваю чемодан из лужи, серые капли стекают по гладкой поверхности. Одна кроссовка полностью в грязи. Теперь уже вода

внутри: чвак, чвак. Пес неодобрительно провожает взглядом, но молчит.

Дверной проем низкий, приходится нагнуться, чтобы пройти. Втаскиваю чемодан, мнусь у входа — не хочу запачкать полы. Внутри тусклый свет. С низкого потолка свисает люстра с тремя плафонами, из них горит только один.

— Звать-то тебя как?

— Яна.

— Как? — скрипнул старушечий голос.

— Арьяна, — лениво произношу имя.

— Понятно. Проходи, проходи. Что ты встала у порога?

Старушка бодро расхаживает по кухне. Слышу, как закипает чайник. Я показываю на обувь, бабушка все понимает без слов, ворчит на бурятском и бросает в ноги тапочки. Рядом ставит таз с водой и дает тряпку. Я опускаю кроссовку в тазик с водой. Хочу спросить, как зовут загадочную старушку, но она сама спешит представиться.

— Зови меня баба Жигжит⁹. Ты из Иваново, да?

Я киваю в ответ, а сама стараюсь припомнить родственницу с таким именем. Мать не предупреждала о ней, поэтому осторожно интересуюсь.

— А вы живете здесь?

— Да, давно обитаю в этих стенах, все мной пропиталось: и пол, и потолок, и кровати, и полки.

— Вы родственница тети Лосолмы?

— Все мы между собой родня, — голова с зеленым платком кивает.

— У вас телефон не работает? Я звонила вам.

— Давно уже здесь ничего не работает.

— А где Баатар и Сэсэг?

— Да кто же сюда приедет, сама же видишь, дорогу размыло, не проехать. Завтра просохнет, видно будет. — Чайник вскипел, и бабушка наливает воду в заварник. Струйки пара не успели подняться вверх, как бабушка закрывает крышку. А потом говорит, будто я не расслышала. — Завтра.

За столом я, наконец, смогла разглядеть бабушку Жигжит — седые волосы торчат безжизненной соломой из-под платка, темная кожа, вся в пигментных пятнах и морщинах, узкие глаза быстро моргают, а один зрачок совершенно белый и пугающе неподвижный.

⁹ Имя Жигжит в переводе с тибетского означает «устрашающий хранитель веры».

— На глаз мой смотришь? — смеется старушка, обнажая беззубый рот — пара кривых клыков внизу, два передних вверху расползлись, оставив щербинку. Она прикрывает рот рукой, видимо, привыкла к бесцеремонным взглядам. — Это катаракта проклятая.

Многозначительно киваю и молчу. Я чувствую тлетворный запах гнили и гари. Дом, по всей видимости, сгнил изнутри, а дымоход забился, поэтому пахнет горелым. И потолки кажутся низкими, создают впечатление ловушки. Мне дурно от смеси запахов гнили и гари, густого тягучего воздуха. Дом бабушки в детстве казался просторным и светлым, в детстве все кажется другим.

Старушка наливает в разные кружки сначала заварку, потом молоко, сверху кипяток. Ставит передо мной чай с молоком, на поверхности плавают пузырьки, струится пар. Напиток медленно остывает. «Опять с молоком, и никакой альтернативы», — думаю я про себя, и мне кажется, что старушка знает, о чем я думаю. Онемевший глаз старушки, как крошечная камера слежения, направлен на меня. Я вправо, он за мной, подамся вперед, и он тут как тут, хотя старушка смотрит вниз: ложкой набирает сливочное масло и кладет в кружку. Масло быстро тает и расплывается на поверхности жирными желтыми пятнами. Старушка сверху посыпает солью, помешивает чай и делает глоток¹⁰. Меня сейчас стошнит.

— Извините, я позвоню. — Набираю три номера, ответ неизменный.

— Не переживай, завтра все разрешится. Завтра, — кивает зеленый платок, и белый глаз сканирует каждый мой жест.

По спине табуном бегут мурашки, вдоль позвоночника медленно ползет крошечная капля пота, заставляет всем телом съежиться от ощущений. Мне кажется, что кто-то касается меня, гладит. Но позади только шкаф. Соглашаюсь, некуда деваться. Отпиваю чай с молоком, на этот раз радуюсь, что это просто чай с молоком без масла и соли. Все познается в сравнении.

И вдруг как в детстве, бабушка вскакивает, руками всплеснув, кричит и носится по кухне — от буфета к окну и обратно. В этот раз я знаю, куда смотреть: на небе косяк лебедей машет крыльями, устремившись вдаль. Быстро бабушка наливает молоко, высоко поднимает прозрачную бутылку с белой жидкостью, и струя точно попадает в круглый центр кружки.

¹⁰ Традиционный бурятский чай с солью, мукой и маслом хорошо утоляет жажду и голод.

— Чай для подношения не годится, мы уже отпили. Можно подавать только свежий чай. За мной, за мной! — командует старушка, стягивает с себя платок, бросает мне в руки. Ловлю потрепанный засаленный зеленый шелк. — На голову. С непокрытой головой нельзя. Ну же!

На ходу завязываю платок, прямо в тапочках на крыльцо. Там пес снова лает, будто видит призрак. Кружка у меня в руках, ручка холодная, как лед.

— Давай скорее, а то улетят! — кричит старушка и показывает, как брызгать, рукой вверх полукругом. И мне будто одиннадцать лет, я стою на крыльце с бабушкой, она мне что-то на бурятском, а я ни слова не разберу. — Торопись!

Я подкидываю молоко к небу, белоснежные капли на секунду зависают в воздухе, а потом устремляются вниз на черную раскисшую землю и падают полукруглой дорожкой.

— О чем думала, когда брызгала?

— Да ни о чем.

— Эх, — машет старушка рукой на меня и идет обратно в дом.

9

За окном ночь, будто на небо опрокинули кружку с черным кофе. Заволокло всю округу густой тьмой. На улице ни фонаря, ни света в окнах, только собака скребется в конуре. Старушка сказала, что в деревне рано ложатся спать, а встают с первыми лучами солнца. Кто бы знал, так оно или нет. Она завела тесто, раскатала на столе белым блином.

— Буузы-то лепить умеешь, Арьяна?

— Нет, — съезживаюсь от звука собственного имени, непривычное «арь» перед любимыми «яна».

— Традиций-то наших вовсе не знаешь? — вздыхает бабулька.

Я опять мотаю головой, даже голоса не подав. Как быстро меня можно загнать в чувство вины, хотя совсем не мне надо отвечать на обвинения старушки.

— Ничего ты не знаешь о родине. Западные боги тебя знают, а о предках своих ты забыла. Это мать твоя ошибку допустила, но расплачиваться ты будешь. Дерево без корней не растет, и ты мечешь—

ся, как воздушный шарик. Бух! — Старушка громко хлопает в ладоши прямо у меня перед лицом, и я подскакиваю на стуле. — И нет тебя. Но, ничего, я тебя всему научу. Вот, смотри, буузы — символ юрты с жаром внутри.

— Как хинкали или манты, — говорю я.

— Дурная твоя голова. Хинкали! Ма-а-анты! — передразнивает старушка, я виновато улыбаюсь. — В буузах обязательно оставляют отверстие, как в юрте дымоход. Не было бы дымохода в юрте, девалебедь не сбежала бы от Хоридоя, не стала бы царицей небесной, покровительницей всех своих дочерей, не защищала бы тебя от невзгод и бед. — Крючковатый палец уперся мне в грудь, а белый глаз смотрит не моргая. — За твоей спиной двадцать поколений, ты можешь себе представить, сколько это человек?

— Не знаю. — Не сразу понимаю, что это не риторический вопрос, но палец и глаз все еще сверлят нутро и тело. Я робко отвечаю: — Тысяча? Десять тысяч?

— Ха, — бабушка задирает голову к потолку, я вижу, как на шее пульсируют раздутые старческие вены. — Миллион! Миллион твоих предков за твоими плечами. Армия! Они пойдут за тобой, если позовешь. И убьют, если проклянешь.

Я сглатываю слюну.

— Но их уже нет.

Лучше бы я молчала.

— Смерть — лишь этап, тело умирает, душа переродится, если заслужила, или будет скитаться вечно, если грешна. Они-то к тебе и приходят по ночам, тревожат. Сами не успокоились, и тебе покоя не дают.

Жуткая старуха умеет навести ужас. Она знает про сны? Или это совпадение, а она просто умалишенная дальняя родственница? Мне хочется найти другую родню, адекватную, чтобы вести светские беседы, сделать дела и сбежать обратно в Иваново.

— Да, не бойся ты, — рука старухи с размаху бьет по спине, теперь в том месте жжет, кожу будто опалили, — я тебя всему научу.

Я потираю лопатку и плечо, ощущение жжения долго не проходит. Внутри комком собирается страх, не тот, что обычно бывает во сне, и не такой, как от просмотра жутких фильмов. Страх перед необъяснимым, перед тем, что я не в силах понять, описать и высказать.

Старуха катает скалкой по тонкому тесту, как ни в чем не бывало, и что-то бормочет под нос. Потом берет стакан и выдавливает ровные кружочки. Оставшееся тесто сгребает, заворачивает в перстолотенце.

— Вот так берешь... — Сухая рука держит тесто, в центре комочком заготовленное мясо. Костлявые пальцы ловко делают защипы вокруг — раз-два и готово.

Я повторяю движения, но выходит криво. Старушка одобрительно кивает, поджав губы. Напоминает лепку пельменей, но форма другая, про отверстие не забываю. Надо признать — занятие медитативное, успокаивает нервы. Вода в пароварке закипает, мы выставляем на решетку ровные красивые буузы старушки и рядом мои — не мини-юрта, а покосившаяся изба. Через полчаса ароматный пар копится под потолком и спускается вниз, оседает каплями пара на стекле, совсем закрывая обзор на улицу. Мы будто посреди тьмы в коконе света, тепла и насыщенного аромата вкусной еды — в юрте, где уютно, тепло и безопасно. Старушка накладывает буузы, ставит на стол чай с молоком. Я даже не заикаюсь про кофе. Кажется, скоро придется привыкнуть к вкусу чая с молоком.

Старушка надкусывает буузу, шумно выпивает сок. Я повторяю за ней. Нет, на манты и хинкали совершенно не похоже. Сочнее.

Она говорит с набитым ртом:

— Парень-то есть у тебя?

Я отрицательно машу головой.

— Может, нравится кто?

— Ну, новый преподаватель на кафедре ничего такой, — улыбаюсь я. — А у вас есть муж?

— Был, — она тянет гласную, будто песню поет или завывает. — Душа в душу 50 лет прожили. Только пил старик. Знаешь, когда люди пьют, к ним на грудь черт садится и слизывает с губ остатки водки, лакомится. Поэтому люди спяну говорят невесть что, не своим голосом вещают, голосом черта. А старик мой не просыхал, черт на груди у него поселился, привольно жил, толстел, жирел, обвил руками и ногами шею, внутрь ростки пустил, мозги затуманил, сердце отравил. Умер мой старик.

— Сочувствую.

Под потолком моргает лампочка — перебои с электричеством. По запотевшему стеклу медленно скользит капля, оставляя чер-

ную полосу. Теперь рассказы старушки больше похожи на сказки. Общеизвестный факт, как влияет алкоголь на тело, здоровье, разум, поведение. Только дети верят в чертей, хотя они скорее испугаются теневого бана в инстаграме или блокировки аккаунта в Тик-Токе. Я ухмыляюсь, но вслух этого лучше не говорить. Но от старушечьего глаза ухмылку не скрыть.

— Ты думаешь, что мир только для живых. Но те, кто ушел, всегда неподалеку, поэтому у нас кладбища нет. И я не знаю, где останки моего старика лежат.

— Как это? — Я изумленно смотрю на старушку, рука застыла с кружкой чая.

Свет опять дрожит. Ветер порывом бьется в окно, и стеклина в раме дребезжит, вибрирует. И долго еще в ушах стоит этот звук.

— Знаешь, как в старину буряты хоронили своих? В белое полотно тело завернут, на телегу положат и везут по горам, по степям, по оврагам. Человек сам находит последнее пристанище, а там дикое зверье свое дело знает. У нас до сих пор так хоронят. И деда моего хоронил сосед, который тебя привез сегодня.

Меня пробирает дрожь, будто слова бьют током. Это уже слишком — ехать на телеге, которую для похорон используют. Вспоминаю себя на ней, и внутренности скручивает. Я к такой экзотике не привыкла. Возмущение рвется наружу, но слова будто зажало в грудной клетке. Настало время старушки на меня смотреть с ухмылкой. Наконец, я нашла в себе силы.

— Знаете, это нарушает санитарные нормы, это бесчеловечно и ужасно, люди заслуживают цивилизованных похорон. Мы живем в двадцать первом веке. Я напишу жалобу в Роспотребнадзор, как только вернусь в Иваново.

— Да пиши куда хочешь.

— А я прямо сейчас это сделаю! Онлайн. — Набираю в Гугле «Роспотребнадзор Бурятии», ищу по сайту окошко для жалоб, двумя пальцами быстро печатаю текст, в подробностях описываю ситуацию, указываю место по геометке. Пусть разберутся! Моему возмущению нет предела.

Старушка не сводит с меня глаз, пока я набираю текст, пока жду, когда письмо улетит в интернет-пространство.

— Написала?

— Да.

— Довольна?

— Да! — твердо отвечаю, ей меня не сломить.

Лампочка под потолком быстро моргает, и тени пляшут на кри-вых стенах. Мы молчим, и на улице тишь. Вдруг скрип за окном — будто кто-то водит металлом по стеклу. Я вскакиваю с табурета, вя-заное круглое сиденье соскальзывает на пол. Смотрю на старушку, та молчит. И снова скрип, но теперь громче, яростнее, будто у меня в ушах кто-то скребется.

— Это кот, — тянет слова старушка.

Я оглядываюсь — рыжий чумазый кот бегал по дому, ластился, просил еду. Вот он же сидит на скамье у входа, наелся, лапы под-жал, глаза прикрыл, отдыхает.

— Так то другой, — скривив губы, отвечает старая на мой немой вопрос.

Поднимаю с пола сидушку, усаживаюсь. Звуки стихли.

— Ложись-ка ты спать, устала, наверно, с дороги. Со стола я сама уберу.

Я допиваю остывший чай. Потом иду в туалет. Уличная дере-вянная постройка со зловонной жижей на два метра вниз — вот, что пугает сильнее любых выдуманных легенд. Реальная жизнь страшнее сказок. Как же я хочу вернуться в цивилизацию, где кофе, люди и свет.

Набираю три знакомых номера. За один вечер выучила после-довательность цифр наизусть, я не знаю, кто там на той стороне провода, но все-то лучше безумной старухи и жуткого дома. «Нет сигнала», — телефон упрямится. Перезагружаю сеть. «Абонент временно недоступен», — и так три раза.

Медленно крадусь по двору обратно, освещаю фонариком сы-рую землю. Слышу, как в конуре громко дышит пес, кто-то про-скочил под ногами. Должно быть, кот. Тот самый, который скребся снаружи. Вдруг что-то тянет за рукав кофты, слышу визг, только потом понимаю, что это я кричу. Резко дергаю руку, разворачи-ваюсь, свечу фонариком — ветка качается из стороны в сторону. Зацепилась в темноте — вот и вся мистика. Бегу в дом, дверь захо-пывается позади. Быстрее бы утро.

Бабушка надела белую, длинную, до пят, сорочку, распусти-ла седые волосы. Медленно семенит по дому, не отрывая от пола уставшие ноги, а сама будто плывет туда-сюда, застилает кровать

у печки. Потом, ни слова не сказав, выключает свет и ложится у противоположной стены.

Немного сырая постель холодит. Я листаю ленту инстаграма, переключаюсь на Тик-Ток — лишь бы не заснуть. Дом и его обитатели страшнее кошмаров, но если засну здесь и проснусь от дурного сна, то мне ничего уже не поможет — ни успокоительное, которое осталось в Иваново, ни кофе, ни дыхательные практики. Лучше вообще не спать. Привычное дело для меня — вздремнуть часок на рассвете, а потом весь день работать. Зато на следующую ночь я сплю так крепко, что кошмарам не подступиться.

10

Бессмысленно пялюсь в телефон уже полчаса, а то и больше. Без кофе мозг вот-вот отключится, картинки сливаются в один поток бесвязной яркой пляски. Рука слабеет и роняет телефон. Экран уткнулся в серую простыню, а сам продолжает жить виртуальной жизнью. Не знаю, сколько времени проходит, но я просыпаюсь от лая собаки. Пес переходит на вой, потом скулит жалобно, просит отпустить с привязи, теряет надежду и опять по кругу — неистово лает, воеет, скулит.

— Чертова собака!

С кровати встает старушка, не включая свет, идет к выходу. В ночи видно только белую сорочку, плывущую над полом через комнату. Просто обман зрения, иллюзия, которой нельзя верить. А коли испугаешься, страх завладеет мозгом, и тот станет рисовать то, чего на самом деле нет.

Белая сорочка летит обратно:

— И чего ему не спится. Ночью духи просыпаются, бродят снаружи, в дома заглядывают. Нельзя шуметь, кричать, петь в это время, особенно на улице. Не по нраву это духам, беспокоятся они.

— Бабушка Жигжит, неправда все это.

— Не веришь? А зря. У нас говорят, что даже имя свое нельзя ночью произносить. Скажешь громко, и духи услышат. Тьма проглотит звуки и приберет к рукам твою душу. А человек без души долго не протянет, будет смерть искать.

Собака снова зашлась лаем, и белая сорочка поплыла к выходу.

— Фу, нельзя, — шепчет голос.

Входная дверь настезь. Холодный влажный воздух медленно ползет по полу, и до меня доходит ароматная деревенская прохлада. Запах трав, зелени, дождя и сырой земли. Слышу, как скрипят ступени крыльца, старушка спускается вниз. Лязгнула цепь — пес свободен. Опять скрипят ступени, старушка возвращается в дом, но белая сорочка не плывет обратно к кровати. Минута прошла, три, пять.

— Бабушка Жигжит, — шепчу я, будто поверила глупым сказкам про ночь и имя.

В ответ тишина. Холодный воздух улицы наполнил комнату от пола до потолка, вытеснил тепло наружу. Зябко. Наверное, она в туалет пошла. Жду, когда вернется старушка, но уже десять роликов Тик-Тока прошло, а ее все нет. Натягиваю джинсы и кофту, иду босиком до двери. Старое дерево скрипит под ногами, холодит подошвы. Чувствую песок под ногами, будто этот пол давно никто не подметал. Ай! Наступила на острый камень. Так и порезаться недолго, надо бы свет включить и обувь найти.

Снова зову бабушку, ответа нет.

Иду по стенке, темно, даже очертаний не видно. Ищу выключатель. Должен быть где-то возле входной двери. Щупаю руками висящие на гвоздике куртки, халаты, плащи, кофты. Разная ткань — мягкая, грубая, шершавая, колючая. Осязание острее в темноте.

«Ай», — снова камень под другой ногой.

Снаружи ни звука. Только тянет холодом, будто там зима. Нащупала дверной косяк, перебираю руками вдоль него. Шершавая кривая поверхность, и вот, наконец, выключатель. Свет яркий, хотя еще полчаса назад лампочка казалась тусклой.

Выхожу на крыльцо. Никого. Шепчу под нос. Я не поверила ни единому слову старушки, но все равно боюсь громко кричать. Есть в мире то, что не поддается логике. Мы можем сопротивляться и не верить, можем спорить и пытаться отделить факты от вымысла. Но когда стоишь в одиночестве на пороге ветхого дома, впереди глухая непроглядная ночь и единственный человек пропадает во тьме, лучше принять правила игры.

Мозг пытается мыслить логически, на то он и создан. Может, ушла куда, коров проверить или к соседям. Сердце в это время делает кульбиты, на то оно и сердце. Свет тоннелем падает на улицу, и моя тень не движется. Я боюсь пошелохнуться, руки сжала в кулаки, тело заостенело, гляжу во тьму, а там чернота и пустошь.

Дует ветер, сквозит, пронизывает. Одним махом дверь захлопывается за спиной. Ничего не видно. Мгла подступает к горлу, давит на глаза. Я кричу, тяну дверную ручку. Заклинило или... Секунды тишины достаточно, чтобы расслышать, как внутри кто-то кряхтит и посмеивается.

— Бабушка Жигжит, откройте!

Розыгрыш удался, проклятая старушка. Дверь не поддается. Упираюсь ногой в стену, резко тяну, в плече что-то хрустнуло и теперь ноет. Дверь крякнула и отворилась. Внутри темно.

— Бабушка! — рычу во все горло, злость дает силы не бояться.

Щелкаю выключатель. Ничего. Еще раз. Света нет. Иду за телефоном, включаю фонарик, свечу вокруг. Две кровати, одеяла включены, дальше стол, шмыгнула под табуретом кошка, и больше никого. На столе намело слой пыли, будто пылевая буря кружила в доме. Ветер гуляет привольно, сквозит через широкий дверной проем в узкое горлышко форточки, слышу, как дребезжат стекла от резких прорывов. А стены чернющие, будто опалили газовой горелкой. И как я не заметила при свете. Но мне некогда рассуждать.

На часах за полночь. Набираю три номера. Ответ привычный, от этой деревни другого не жди. «Будь проклят этот дом и бестолковая родня!» — кричу у себя в голове, словно я в клетке собственного тела, а сама даже рот боюсь открыть и переживаю, не слишком ли громко дышу.

— Пробки выбило! — спокойным голосом говорю себе вслух, чтобы дать понять, что не струсила. Ни капли мистики, обычные перебои с электричеством.

Хочу просто зарыться в одеяло и притвориться, что это не мои проблемы. Может, бабушка не в себе и каждую ночь сбегает, носится по округе и пугает соседских ребятишек, а утром возвращается в постель и притворяется нормальной. Все мы немного не в себе, только и делаем, что притворяемся нормальными.

Сажусь на кровать, фонарь уперся лучом в потолок. Рассуждаю логически, без нервов, насколько это возможно, а сама слушаю, что на улице. Вдруг прямо сейчас заскрипит крыльцо, бесшумные шаги, белая сорочка, и бабушка Жигжит войдет в дом. Но нет. Тишина, даже ветер стих.

«Черт!» — уже не так страшны сказки про духов, как реальная угроза для старенькой бабушки. А что если она ногу сломала? Что

делать с ее дряхлым телом до утра, ведь скорая помощь не придет ночью, по таким дорогам она и днем не приедет. А если инфаркт или инсульт, тогда счет идет на минуты. Хотя, может, старая просто обиделась из-за жалобы в Роспотребнадзор, ушла к соседу или сидит недалеко на лавочке. Хочется крикнуть во все горло, вместо этого сжимаю кулаки, ногти впиваются в кожу.

Ищу кроссовки, они еще не успели просохнуть. Надеваю на босую ногу мокрую обувь, какая мерзость. Холодно и сыро. Держу телефон перед собой — тьма расступись. Сначала к соседям, они могут знать, куда старушка запропастилась. Это мозг пытается придумать оправдание трусливому сердцу, которое стучит, колотится, боится: «С людьми не так страшно».

От крыльца иду к калитке по двум доскам, брошенным через топкую жижу. Через улицу попадаю во двор к соседям, где такие же доски на земле. Стучу в дверь. Тишина. Жду. Брожу под окнами, стучу, стекла звенят от ударов. Снова из ограды в ограду. Второй дом, третий, пятый. Вот и улица закончилась, а дальше стеной возвышается лес и растет дальше крутой горой. И я стою под ней, как мышь предо львом.

Вот теперь время кричать. Паника рвется наружу, дышу быстро, вот-вот задохнусь. Сначала немеют ноги, потом покалывает в руках. Я не знаю, что делать, куда идти и где искать помощи. Сгибаюсь, упираю одну руку в колено, пальцами второй цепко держу телефон. Фонарик светит в лужу, а та блестит в ответ. Меня сейчас стошнит, в голове стучит пульс.

Внезапно по округе разносится не то крик, не то зов. «Бабушка Жигжит!» — мелькнуло в голове, и я уже ринулась навстречу звуку. Кроссовки скользят по грязи, ветер в лицо, фонарик освещает небольшой купол впереди меня, мне кажется, что я бегу так быстро, что свет не поспевает за мной. Стоп! Нет. На самом деле аккумулятор телефона сигнализирует об опасности красным цветом: «Вы больше не можете использовать фонарик». Экран чернеет, и мобильник впадает в состояние экономии электроэнергии. Предательские цифровые технологии.

Снова раздается пронзительный вопль, острый, как игла колет в самое сердце. На ходу толкаю бесполезный телефон в задний карман джинсов и бреду наугад, вытянув руки вперед. Я на пустой дороге, изрытой узкими полосками деревянных колес телеги, покрытой глубокими следами лошадиных копыт. Надо мной плывут

черные тучи. Позади гора, по левую сторону дома, вдоль дороги тянется штакетник, на другой стороне пустырь с крапивой выше моего роста — все, что я успела разглядеть днем. Останавливаюсь, прислушиваюсь. Тишина. И дальше что? Куда идти?

— Назови свое имя, — шепчет кто-то невдалеке.

По спине бежит холодок, и за секунду тело сковывает льдом ужаса. Оглядываюсь вокруг, руками щупаю воздух. Ветер сквозь пальцы. Никого. Послышалось, привиделось, придумалось в голове. Что там бабушка говорила про местные легенды? Нельзя проносить имя, чтобы злые духи не украли душу. Бред, ну что за сказки! Неправда, неправда! Хватаюсь за телефон, бесполезно свечу черным экраном вокруг себя, убираю обратно.

— Назови свое имя, — уже ближе старушечий голос.

От страха скукоживаюсь, лицо в ладони, чувствую, как замерзли руки. Безжизненный холод пальцев и тьма. Руки трясутся, дрожит все тело, хватаю себя за плечи, пытаюсь остановить эту дрожь.

— Нет! — кричу в ответ не то себе, не то кому-то.

Ноги как парализованные, ничего не чувствуют, не двигаются, в животе кишки крутятся змеями. Вдруг ветер. Но не сплошной волной продувает насквозь с головы до ног, сквозь плотную вязку кофты, сквозь тонкий хлопок футболки и густые пряди волос, сквозь обнаженную душу. Этот ветер прошелся справа потоком, стих, обогнул трясущееся тело и зашел слева. Кажется, будто мимо кто-то ходит или дует из невидимой трубочки, издевается, играет, прячется. Или снится мне все это. Больно щиплю себя за предплечье, а в ухо ветер доносит шипящий хохот. Противный звук, как если соду залить кипятком.

— Назови свое имя, — в самое ухо бьет дыхание, кожа дыбится, отслаивается от тела.

Собираю силы, наотмашь бью воздух. Никого.

И опять кто-то вопит вдалеке: «Помогите!» Прямо только овраг, голос рвется снизу, тянется по земле и распускается волнами в небо. Я бегу вперед. Кофта цепляется за ветку и тянет меня назад. Секунда, чтобы понять, что я еще на дороге и здесь нет деревьев. Вырываюсь из чьих-то рук, бегу, опережая ветер. И не бабушку я хочу спасти, хочу, чтобы она спасла меня.

Сквозь джинсы чувствую высокую траву, кусты. По лицу хлещут ветки деревьев. Внезапно земля уходит из-под ног, падаю в овраг

и торможу пятками, зарываясь все глубже в влажную почву. В ладони впивается хвоя. Встаю, пытаюсь аккуратно спуститься, но соскальзываю, и ветер в спину толкает вперед.

— Скажи имя! — грохочет надо мной голос, чувствую кожей, как вибрирует воздух, и касается макушки.

— Нет! — Теперь я верю в твои сказки, бабушка Жигжит. — Не скажу, не отберешь мою душу.

Ветер хлещет по лицу.

Удар!

«Что это? Ветка?»

На щеке горит царапина, хватаюсь за больное место, на холодных пальцах липкая кровь. Теряю равновесие, съезжаю еще ниже в овраг. Коленками уперлась в землю, руками в жижу. Она бурлит под пальцами, перекачивается, будто в земле копошатся черви. Кричу и вскакиваю, хвастаюсь за худенькое дерево.

— Бабушка! — кричу я и, замерев, жду ответа.

Тишина.

Прижимаюсь спиной к стволу, перевожу дух и нутром ощущаю, как что-то громадное смотрит из черноты. Завожу руки назад, пальцами цепляюсь за кривую кору. Отворачиваю лицо, зажимаю глаза, трясусь так, что тонкое деревце позади шатается. Нечто прямо напротив. От него тянет холодом, и все во мне стынет. Я не чувствую ни ног, ни рук, только удары пульса в глубине дают знать, что я жива.

— Здесь никого. Только ты. — Морозное дыхание бьет в лицо. Нос и щеки покалывает от холода, я все не решаюсь открыть глаза. Шершавый язык касается щеки и тянется вверх, оставляя липкий холодный след. — Назови свое имя! — грохочет голос.

Я мотаю головой вместо ответа, сползаю по дереву вниз и прячу лицо в коленях, руками накрываю голову. «Оставь меня, оставь в покое». Ветер сыплет ударами то в голову, то в бока, на голой коже порезы и царапины. Встаю, чтобы бежать из оврага, но кроссовки скользят по вязкой земле. Хвастаюсь руками за ключие ветки, однако меня тянет вниз, будто за плечами рюкзак, набитый рухлядью. Скинуть бы его, снять с плеч груз, который мешает, тащится за мной годами, нагромоздившись кучей слов, мыслей, чувств, лиц, прикосновений, вздохов. Я больше не хочу его нести и не могу.

Холодный поток вихрем устремляется вверх, и на секунду мне кажется, что все кончено. Сверху упадет громадина, обездвижит, раздавит, убьет. Ветер возвращается и бьет плетью. Свист! Удар!

— Имя! — звериный вой над головой.

Свист! Удар! Я больше не могу сопротивляться, я больше не могу бороться. Забери у меня душу, все, что хочешь забери. Я сдаюсь.

— Яна! — кричу я в темноту по привычке, а потом шепотом: — Яна я, Яна.

И в ту же секунду воздух разбивается о землю и расплзается по оврагу. И все смолкает — и голоса, и ветер. Я сижу еще долго, не в силах подняться и идти. Не в силах думать трезво. Только внутри сердце колоколом бьется, и я плачу навзрыд, закрыв лицо руками.

11

Я, кажется, так и заснула — ладони будто прилипли к лицу. Или все, что произошло, было сном? Я боюсь открыть глаза, что увижу вокруг? Может, облака и белый свет, заполняющий все пространство? Интересно, рай выглядит, как в фильмах, или его вовсе не существует? Или снова ночь и темень? Будто я в герметичном вакууме пустоты. Не хочу открывать глаза, я больше не вынесу испытаний. Пожалуйста! Ладони стали влажными от слез. Останусь так навсегда, в этой нелепой позе, не открывая глаз — отличное решение. Вдруг, не то перед глазами, не то в моей голове вырастает лебедь. Белые перья тянутся шелковой лентой, глаза-бусинки смотрят на меня. Птица тянется ко мне крылом, а касается уже рукой. Я вижу себя будто со стороны, сижу, поджав ноги, волосы растрепались, на руках и лице царапины, на одежде темными пятнами грязь. Напротив женщина в белом платье. Худое лицо, светлая кожа, румянец, острый подбородок, раскосые темно-карие глаза-бусинки. Она смотрит на меня, улыбается, нежно проводит по волосам и целует в лоб. И по всему телу растекается тепло, слабеют пальцы, не ноют ноги, пульс замедляется, возвращается ровное дыхание. А главное, больше не страшно. Мне кажется, я больше вообще ничего не боюсь.

Просыпаюсь.

Небо светлым куполом застыло в ожидании рассвета. Я сижу, прижавшись к тонкому стволу сосны. Овраг тянется вверх черной землей,

худыми высокими деревьями, кривыми елями, мелкими кустами, камнями и кучами хвои. Стоит дикая тишина, птицы не поют утреннюю трель, насекомые не подают голоса. Я поднимаюсь, держась за тонкий ствол дерева, который этой ночью стал моим спасительным якорем. Инстинктивно щупаю ноги, бедра, живот, плечи — проверяю, все ли на месте. Дышу, чтобы удостовериться, что еще могу. И только потом пытаюсь выползти из оврага, в голове пусто. Будто мир стал компьютерной игрой, а я играю от третьего лица. Тело движется по моей воле, и мозг не генерирует ни мыслей, ни эмоций.

Вокруг черная почва и никого. Ползком карабкаюсь вверх, пальцы цепляются за обугленные стволы, проваливаются в черную почву, грязь лезет под ногти. Отшатываюсь от черной костлявой руки в земле. Приглядываюсь. Всего лишь коренья сплелись, будто пальцы. Овраг позади. И я, не помня себя, бегу прочь.

Очнулась я только в знакомом кафе. Какой-то водитель довез до Хоринска, зарядил телефон и оставил здесь. В таких случаях обычно несут теплые пледы, вызывают полицию и психолога. А здесь хозяйка кафе стала теревить и требовать оплату за чай. Я очнулась, потому что ее могучие руки толкали меня на стуле из стороны в сторону. Сначала я увидела передник с пятнами, потом высокий поварской колпак и только потом сердитое лицо. Но благодаря ей я вернулась в реальность, с такими бойкими женщинами и психолог не нужен. Достала мелочь, отдала 20 рублей за остывший чай.

— Давно я здесь?

— Да час уже сидишь.

В небольшом кафетерии под деревянным потолком летали мухи, стоял крепкий аромат мясных блюд, на стеклах со стороны улицы застыли пыльные дождевые капли. Отрывками вспоминаю, как бежала, сломя голову, как плакала перед водителем чуть не на коленях, а потом устало тряслась на переднем сиденье, пока не оказалась здесь. Мысленно радуюсь, что все не закончилось, как с Патриком Суэйзи в «Привидении». Меня видят, со мной разговаривают, обо мне позаботились. Потом вспоминаю про бабушку Жигжит. А если она умерла по моей вине, потому что я не нашла ее, выпустила одну в ночную тьму? А она теперь лежит где-нибудь в овраге. Нет, все с ней в порядке, вернулась к утру. И меня захлестнули воспоминания. Во мраке я выкрикнула имя, а вдруг у меня теперь нет души, ни одной из трех. Вот хожу я — голое тело, со-

знание есть и мозг работает, а души нет. Где теперь ее искать, и как дальше жить, или жизни мне больше не видать? Паникую, дышу быстро-быстро и хочется кричать, бежать куда-то. Закрываю лицо ладонями, успокаиваю сначала дыхание: вдох на четыре счета, пауза на два, выдох на четыре. И только потом мысли. На восьмой круг спасаюсь от панической атаки.

Смотрю на свои руки, они испачканы, будто месила тесто из грязи. В одной ладони крепко держу зарядник, в другой телефон. Рядом чемодан, на колеса намотался дерн, серый пластик весь в царапинах и высохших комьях грязи. Чуть тронь — рассыпятся. Кладу телефон в задний карман джинсов. Грязь на одежде высохла, впиталась в мелкие волокна, оставила темно-коричневые пятна. Надо привести себя в порядок.

— Ты бы поела чего, Сашка сказал, что ты всю ночь по лесу бродила. Заблудилась, что ль? — Женщина в колпаке говорила через весь зал, перекрикивая радиоприемник и гомон посетителей.

Киваю в ответ. Поесть не мешало бы.

Сашка? Буду знать, как зовут тебя, мой спаситель.

Медленно, еле поднимая руки, встаю из-за столика, иду в туалет. За мной плетется чемодан, одно колесико жалобно скрипит. Новенький чемодан повидал этой ночью не меньше, чем я. Переодеваюсь, умываюсь, прибираю волосы. Приличный вид, но в глазах будто застыл ужас. Корчу сама себе рожицы в зеркало, даже пытаюсь улыбнуться, а глаза испуганные. Стараюсь не вспоминать прошлую ночь, иначе немедленно разревусь. Забыть, как по утрам я забываю дурной сон. Практика в этом у меня отличная.

Хочу заказать что-нибудь поесть. Смотрю на меню, а буквы и цифры не читаются, не могу сконцентрироваться на строчке, все плывет и скачет перед глазами. Женщина в колпаке понимающе кивает, когда прошу выбрать за меня. Я просто заплачу столько, сколько надо. Передо мной на столе большущая тарелка домашнего супа с лапшой и горячий чай с молоком. Чувствую, как просыпаются во мне бурятские корни. Или после еды силы вернулись?

Спускаюсь на скамейку у кафе, включаю телефон. Если родственники и сейчас не объявятся, собираю вещи и уезжаю немедленно. Обратный самолет в Москву только через три дня, раньше никак. Но лучше проведу их в гостинице, главное, чтобы номер был не 1408. Господи, как же я устала и хочу домой.

Первым делом стоит позвонить отцу, наверное, он волнуется больше всех. Но в Иваново слишком рано, не буду будить, напишу сообщение. У меня миллион оповещений: пропущенные звонки, письма на электронку, телеграм, ватсап. В ход пошли даже смс. Кто-то их еще пишет, кроме МЧС и Сбербанк? Сейчас это неважно. Звоню хоринским родственникам, надо удостовериться, что бабушка Жигжит нашлась и вернулась в дом. Сегодня туда должна была родня съехаться. Нет желания еще раз возвращаться в тот дом, но если придется, пусть меня везут на машине, никаких попутков и телег с мертвецами. И ночевать я там не намерена.

Мгновенно раздается гудок, и мужчина отвечает быстро, будто на ходу. Так просто? Звонишь, а кто-то берет трубку. Не надо проходить семь кругов ада ради одного телефонного звонка. «Почему ты вчера не был в сети? Знаешь, через что я прошла за эту ночь?» — кричу у себя в голове.

— Я Арьяна Соколова, приехала насчет наследства, — сдерживаю злость.

— А-а-а, Арьяна, — голос теплеет, и кажется, кто-то на той стороне больше не спешит. — А мы тебя потеряли, мама твоя звонила, переживала. Вчера же должна была приехать?

— Вчера, — вторую я, а раздражение закипает внутри.

— Позвонила бы, я бы тебя встретил.

— Так я звонила! Но то все телефоны недоступны, то сети не было. — Я перехожу на крик, но потом снова сдерживаюсь. Поэтому реплика катится вверх по дуге, а на последнем слове скатывается в повседневный тон.

— Я вчера весь день на связи был, ждал звонка. Ты где? Я подъеду примерно через полчаса.

— Я на остановке в Хоринске, где все маршрутки стоят. — На той стороне провода парень говорит: «Да-да». Значит, понял, где я. — А бабушка Жигжит нашлась? Она пропала ночью.

— Какая бабушка?

— Ну, старушка из дома, который мне в наследство оставили. Она сказала, что ждала меня. Но связи не было, чтобы сообщить о моем приезде.

— В том доме, который тебе оставили, живу я.

Я зависаю с телефоном в руке. Голова будто тонет в тяжелом вязком киселе. «Я сумасшедшая», — констатирую факт. Галлю-

цинации на фоне кофеиновой зависимости. Перед глазами все плывет, а я двигаюсь плавно, как в желе, теперь и все тело потонуло.

— До связи, — прощаюсь я.

Прикрываю веки, а передо мной лицо старушки с побелевшим от катаракты глазом. Улыбается и ворчит жуткая бабуля. Не было никакой бабушки Жигжит? Или была? И голоса в ночи, и лебедь-дева... Меня пробивает дрожь. Воспоминания такие четкие, что это не может быть галлюцинациями. Я помню старушку как наяву, ее белый глаз, запах, прикосновения. Помню, как ела, пила чай, как злилась на нее и писала обращение в Роспотребнадзор. Была там старушка, точно была! Может, я уехала не туда, в чужой дом забрела, а она бездомная просто, нашла себе пристанище. И сейчас бродит где-то в лесу, заблудилась или в топкой трясине застряла. Спасать ее надо, а то потом как с этим жить?

Разглядываю каждую проезжающую машину, вдруг это за мной. Но нет, все мимо. Над головой тучится небо, а рядом крутится мохнатый дворовый пес. Шерсть на животе висит комьями, на шее ошейник, и сам упитанный, как небольшой бегемот. «Нет, дружок, не до тебя сейчас», — говорю шепотом, а он садится напротив и выжидательно смотрит то на руки, то на лицо. Он мешает мне сконцентрироваться, невозможно выдержать давление голодных глаз. Злюсь и возвращаюсь в кафе за пирожком, отдаю бедняге, а потом прячусь на другой скамейке. Их всего две — одна у кафе, другая у магазина.

Машины туда-обратно. Черные, белые, большие, маленькие. Я почти засыпаю, как вдруг напротив останавливается пыльный внедорожник. А оттуда выходит молодой мужчина — коренастый, крепкий, загорелый. Местное солнце беспощадно к тем, кто трудится на улице. Волосы на голове короткие, глаза-щелки, улыбка до ушей:

— Ты же Арьяна? — На секунду замешкался, я киваю в ответ. — Я сразу понял, что это ты, в деревне редко кого встретишь с таким красивым чемоданом. — Он крепко бесцеремонно обнимает. — Не узнаешь меня? Я брат твой, Баатар, вместе играли в детстве.

В самом деле в мужских чертах проглядывается знакомый мальчишеский взгляд, пухлые щеки что тогда, что сейчас, и смех задорный. Теперь уже я обнимаю бесцеремонно и долго: «Узнала».

— Поехали, я тебе дом покажу, познакомлю с семьей.

— Нет, нам надо в тот улус, где я ночь провела. Там старушка была. Может, она перепутала и ждала другую родственницу, но она потерялась ночью. Надо ее найти.

Баатар напрягся, потер рукой подбородок. Я видела по глазам и жестам, что слова вертятся на языке, но он только кивнул в ответ. Машина несется по знакомому маршруту. Я в подробностях рассказываю все, что со мной случилось: про бабушку, про старый дом, про голоса, про царапину на лице то ли от ветра, то ли от ветки, про деву-лебедь. Брат мрачнеет с каждым словом, но молчит. Я не замечаю, как навигатор предупреждает о повороте. Съезжаем с трассы на проселочную дорогу. Грязь по краям высохла, черная жижа осталась в больших глубоких рытвинах. Внедорожник ловко лавирует между лужами, даже не трясет совсем. Улус ближе, чем предупреждают гугл-карты. Вот и приевшаяся глазу новая крыша дома, крапива с меня ростом, большая лужа тянется по одной колее дороги до конца улицы.

— Пойдем, — тяну брата за рукав — он ни с места. — Пойдем!

Баатар запустил руки в карманы, стоит насупившись, одинокая морщина пролегла меж бровей. Он молчит, будто воды набрал в рот. Я иду одна. Две доски от калитки к крыльцу. Меня встречает дверь нараспашку. И теперь я вижу, что дом наполовину сгоревший. Огонь шел от соседей через коровник и дровник позади дома, через сарай к пристрою, и вполз сначала в сени, потом в комнаты. Фасад целый, а внутри разруха. Но пожарные вовремя приехали, потушили огонь, разбили одно окно, лили воду внутрь, спасли кухню и одну спальню, где стояли две кровати, а на ней незаправленная постель, покрытая пылью и сажей. И я здесь спала? Розетка на одном проводе болтается у стены. Так вот почему мой телефон не зарядился той ночью!

Гляжу в окно — там выгоревшая деревня, в соседних домах ни дверей, ни окон, ни крыш, только почерневшие покосившиеся останки жилищ.

На полу нашла зеленый платок, тот самый, что был на голове старушки. Вещи вокруг похоронены под слоем пыли, грязи и пепла. А платок лежит ярким зеленым пятном на грязном полу. Еще одно свидетельство, что бабушка жива. Бегу на крошечную кухню, где буфет и стол, там найдутся другие доказательства — чистые тарелки, пароварка, свежий чай с молоком и прочая еда. Но там только пыль и грязь.

Брат не идет за мной, стоит за оградой у машины, шагу боится ступить. Я плетусь обратно, держа платок в руке.

— Никого нет? — спрашивает он.

— Никого, — одними губами отвечаю я и мотаю головой.

— Оставь платок там! — грозно командует он.

Я кладу зеленую ткань на крыльцо, а он огибает машину с водительского сиденья, копошится и возвращается с двумя спичечными коробками. Насыпает на картон пахучий зеленый порошок и быстро поджигает. Смесь буйно дымит и пахнет травами. — На, возьми, пока не сгорел. Это благовония. Вокруг себя три раза по часовой стрелке.

Неуклюже кручу дымный коробок, обжигаясь два раза. На третий круг роняю на землю. Брат берет и оставляет остатки целлюлозы и благовония на столбе. Этому дому пожар уже не страшен, кроме ветра здесь никого. Мы садимся в машину и едем прочь.

Молчим. Я выстраиваю логическую цепочку из нелогичных фактов. Приехала и попала в водоворот паранормальщины. Брат не тревожит, только поглядывает изредка, дает свыкнуться с мыслью, что я общалась с жителями потустороннего мира. Другого объяснения нет.

Телефон в руках тренькает, возвращает в мир живых. Отец ругается, но в конце посылает красное сердечко. Отвечаю и блокирую экран. Новый «треньк». Горит иконка электронной почты. Адресант — «Управление Федеральной Службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Бурятия». Я бы немедленно смахнула в сторону и удалила бы как спам, но большой палец уже ткнул на письмо, пошла загрузка, а глаза пробежались по первым строчка.

«Уважаемая Арьяна Соколова, сообщаем, что по вашему обращению в связи с фактами ненадлежащего захоронения усопших в ближайшее время поверку провести не представляется возможным, так как в указанном населенном пункте в данное время никто не проживает с 2008 года. После крупного пожара население получило новое жилье в ближайших поселениях. Благодарим за обращение».

— Это Шудхэр¹¹ за нос тебя водил. Это дух из низшего мира. Духи живут в заброшенных домах, в оврагах, на кладбищах. Мы, буряты, после похорон никогда не возвращаемся на кладбище. Запрещено это у нас. Злые духи разные бывают, и силы у некоторых немерено. Иногда достаточно просто окурить себя благовониями, тогда черт от тебя отцепится. А порой и шаман не излечит от контакта.

— Значит, это правда про три души в человеке?

— Мы верим, — многозначительно отвечает брат. Откуда ему знать, никому наверняка это неизвестно. Пока не наступит тот самый день, когда все три души будут свободны от тела, отправятся каждый по своему пути, до этого самого момента не узнать правды. Остается только верить.

— А дева-лебедь существовала? — скептически говорю я, а он только ухмыляется, я назираю. — Вы буддисты и должны верить в просветление.

— У нас тут шаманизм с буддизмом крепко сплелись. Не так просто объяснить.

Мы опять долго молчим, пока дорога петляет обратно.

— Зачем ваша мама оставила мне дом?

— Ей так бабушка велела. — Баатар смотрит на меня секунду, проверяет реакцию. — Когда мама заболела, то ей снились разные сны. Однажды к ней пришла бабушка Чимицу и сказала, что дом надо завещать тебе, чтобы ты хоть раз приехала на родину.

— Зачем? — шепотом спрашиваю я, даже не замечаю, как по щеке катится слеза.

Баатар пожимает плечами:

— Когда духи просят, мы не спрашиваем их зачем.

Пытаюсь анализировать трезво и дышать. Но вдруг такая злость закипает во мне: я могу объяснить только «что» случилось, но никак не «почему». Кто-то, живой или мертвый, пожелал, чтобы я приехала. Зачем? А кто-нибудь меня спросил, нужно ли оно мне. Мне хорошо жилось, спокойно. Мне нужен телепорт до Иванова,

¹¹ Шудхэр (бур.) — черт, житель ада, один из низших демонов, олицетворяющих души больных, бедных, обиженных судьбой людей; демонов, постоянно мешающих живым, творящих какие-либо беды.

до моей уютной квартиры, где я чувствовала себя в безопасности. Вспоминаю, что теперь углы комнаты пронизаны кошмарными видениями и черной паутиной. Мне нужен телепорт в прошлое, а кому он не нужен...

Я хочу покончить с бумагами за час. Им нужна моя подпись, а мне покой. Я так устала, мне кажется, не спала вечность. Пусть снятся самые страшные в мире сны, после вчерашней ночи я ничего не боюсь. Я хочу занять место в трясущейся маршрутке, скрутить кофту в подушку, сунуть ее между окном и головой и заснуть. Потом самолетом семь часов, из них пять съест разница во времени. Сяду в самолет в полночь по-местному, а прилечу в два часа ночи. Вот бы стереть из памяти эти дни, как время стирается в полете, возвращая меня в прошлое.

Солнце выглядывает из-за тучи и жалит через лобовое стекло. Но мозг не откликается на внешние раздражители. Солнце, ветер, разговоры, просьбы, жажда, голод — все нипочем.

— Давай сразу к нотариусу заедем, и я вернусь в Улан-Удэ?

— У нас сначала принято чай пить, а потом дела решать.

Снова чай? Что у вас за местный культ. Знаете, я уже напилась его. Лениво мотаю головой.

— А ты знала, что у тебя три племянницы и три племянника? У меня сын и две дочери и у Сэсэги два сына и дочь, мы живем по соседству. Тут мой дом, — Баатар ставит ребро ладони на другую ладонь, предоставляя рулю автомобиля крутиться, как ему вздумается. Всегда боюсь этих водительских заливчатских маневров. — А тут дом сестры, — смещает руку к кончикам пальцев, руль свободно вибрирует. — Может, хоть познакомишься. Пусть хоть раз мои дети посмотрят на тетю с Запада. — Он возвращает руки туда, где они должны быть, когда управляешь автомобилем.

— Угу, — мычу в ответ и только потом соображаю, что он сказал.

Племянники, сразу шестеро. За секунду у меня появилась семья. Я с самого детства хотела быть своей. Ну знаете, так говорят, «своя в доску». А мне было некомфортно существовать в чужом городе, где я белая ворона. И даже когда дело касалось вовсе не меня, сердце внутри сжимали колючие vareжки обиды. Например, однажды я шла по супермаркету и набирала в корзинку еды, а за мной толпилась группа парней, выбирали колу — диетическую или обычную. Они что-то бормочут, обсуждают, кто-то бросает ре-

плику, и ребята разрываются громким хохотом, снова реплика и новая волна смеха. По спине бежит холодок, затылком ощущаю взгляды. Смех волнами бьет в самое сердце. Оборачиваюсь, я уже достаточно взрослая, чтобы прекратить издевательства. А там пять парней смотрят Тик-Ток и смеются над котом в очках. А я ни при чем, но меня триггерит от смеха за спиной, потому что слишком часто я его слышала в детстве, когда дети смеялись над моими узкими глазами. Я с самого детства хотела быть своей, может, на родине матери вдруг это произойдет?

Мы приехали к дому брата — бревенчатый, просторный, двухэтажный. Вокруг баня, гараж, огромный сад, грядки, беседка, три собаки и множество цветов. Меня обнимают десятки рук, целуют в щеки дети, кто-то тянет показать окотившуюся кошку. Бедная роженица устала от внимания, а я наслаждаюсь. Как хорошо быть с кем-то родным, кто тебя любит безусловно, просто потому что ты есть, рад тебя видеть, даже несмотря на разлуку в десяток лет. Они не переживают, что я могу в два счета отобрать оставленный в наследство дом, я — угроза. Но нет. Они встречают с распростертыми объятиями, дети болтают без умолку, взрослые накрывают богатый стол, без конца наполняют кружку горячим чаем, на плечи вешают синий хадак¹² — так принято. Жена Баатара застилает лучшую кровать с белоснежными простынями в самой светлой комнате. За один день меня раз сто назвали Арьяной, ни разу никто не ошибся, и я привыкла к этому имени, будто не расставалась с ним на одиннадцать лет. И все прекрасно. Я, вдоволь наевшись, нагулявшись во дворе с ребятей, быстро засыпаю. И после такого чудесного дня хочу, чтобы мне снились только хорошие сны. Но мир умерших меня не отпускает, кошмар опять прибирает меня к рукам.

Мне снится сгоревший дом, зеленый платок, белый глаз. Черный мрак пустоты, запах гари. Чувствую, как тело пробивает озноб, но холод тянется не снаружи, а изнутри. Словно в живот положили кусок льда. Сквозь сон я слышу собственный стон и вот-вот проснусь, вырвусь из мучительного плена. Мне кажется, что я уже открыла глаза, встала, чтобы взять телефона на комод — до него четыре шага, но через два из пола вырастает белая фигура старушки. И я кричу, так громко кричу. Визг не кончается, продолжает

¹² Хада́к — ритуальный длинный шарф, один из буддийских символов. Его дарят в знак почтения, дружбы и благопожелания.

вырваться из глубины тела, пока не выплевывает весь холод, пока я не вскакиваю с кровати. Уже наяву бегу не то к телефону, не то к выключателю, не то прочь из комнаты. Делаю два шага... и паника. Все, как во сне, а значит, в эту минуту должна вылезти из пола бабка. Я замираю, как статуя, и глаза зажимаю, лишь бы не видеть, не слышать, не чувствовать.

— Арьяна!..

Ток от выключателя за доли секунды бежит по проводу, загорается лампочка, и комната наполняется светом, людьми, голосами, объятиями, кто-то несет спасительный чай.

13

— Ее надо везти к шаманке, — говорит женский голос.

— Когда? — отвечает мужской.

Мы сидим на кухне, дети спят — после дневных приключений их танком не разбудишь. Даже мой крик им нипочем. Но родители разговаривают шепотом, будто совсем не детей бояться потревожить.

— Сейчас.

Я сижу с закрытыми глазами, боюсь, что даже это мне снится. Я перестала разбирать, где явь, а где сновидения, где живые, а где мертвые. Телепорт в Иваново, пожалуйста, откройся.

— Может, утром? Созвонимся сначала, у шаманки очередь на месяц вперед, просто так не попадешь, — спокойно отвечает Баатар.

— Сейчас надо. — Его жена выделяет каждое слово, спорить с ней, судя по тону, никто не будет. — Пока доедете, рассветет.

Мы загрузились в машину. Двигатель внедорожника шумно ревет, проселочная дорога тянется между полей и гор, по степям и через реки. Свет фар в темноте скачет на каждой кочке. Я почти засыпаю, но возвращаюсь обратно, мне туда нельзя. Кофе, конечно, мне никто не предложил.

Рассвет наступает медленно, сначала появляются контуры облаков, потом тьма теряет тона. Ночь затаилась в чернеющей цепочке гор, в темном лесу на склоне, в расщелинах скал, в глубоких пещерах, скрытых от глаз. Потом на востоке облака вытянулись тонкими полосками и вспыхивают ярким красным пламенем. Цвета переливаются от ярко-алого до нежно-розового. Ветер перед

рассветом застывает в плотном воздухе, облака меняют не форму, только цвет. И еще долго картинка прежняя, будто время остановилось. Диск раскаленного солнца показывается из-за гор, и ветер снова берется за свое дело, треплет тонкие облака на мелкие кусочки, они тают в вышине. Утро.

Машина сворачивает на узкую дорожку, которая тянется к крошечному поселению — несколько домов под горой. Брат идет в дом, бесцеремонно будит шаманку, но та уже не спит, с первыми лучами солнца она заварила чай, сделала подношение духам. А после этого не стала возвращаться в дом, решила задержаться на крыльце, присела прямо на одну из прогнувшихся ступенек. Будто ждала нас на крыльце. Брат заглушил мотор и бегом к ней. Я медленно отстегнула ремень, тихонько хлопнула дверью машины и осторожно подошла ближе. Они говорят на бурятском, мне все равно не понять.

Я думала, меня встретит бабушка в национальной одежде с бубном, будет камлать и петь песни, заговаривать зубы. Но это была обычная женщина средних лет в домашних брюках и кофте, на голове короткая современная стрижка, на груди толстая серебряная цепь свисает вниз, держит необычный кулон — большой серебряный, чуть выпуклый круг. Похож на мини-щит, только плоский и блестящий. Я насторожилась. Как-то все неправдоподобно.

Женщина в свое жилище не пошла, ведет в крошечный домик, в нем могла уместиться буквально одна комната. Наверное, это специальное место, где она принимает людей. Вспоминаю, что у нее очередь на месяц вперед. Должно быть, о ней знает вся округа, и все приезжают за советом или с духами пообщаться.

Брат одобрительно кивает и неуклюже треплет за плечо, а сам остается снаружи. Я недоверчиво иду за ней. В полупустом, аскетично обставленном доме светло. Стены и потолок выкрашены в белый цвет, только полы рыже-коричневые. В центре дома — печь, в углу стоит шкаф, а у окна два стула и стол. Женщина быстро зажигает спичку, колдует над металлической чашей, обжигается, ворчит. Потом закрывает чашу специальной крышкой с мелкими отверстиями, из них струится дым благовоний. Она садится на стул, для меня такой же напротив, через стол. Как на приеме у врача. Женщина уже уселась, а я мнусь у входа. И так несколько секунд. Никто дыханием и движением не мешает дыму ровной струйкой ползти вверх,

к самому потолку. Я подхожу и сажусь на край стула. Струйка дыма дрогнула и разлетелась на мелкие кривые нити.

Чувствую себя то ли на допросе, то ли на сеансе у психолога. Шаманка, вместо спиритического сеанса, рассказывала про древо жизни и связь с предками. Я скептически улыбаюсь и очень хочу сбежать.

— Иди уже, я тебя не держу, — закончила она, и я засобира-лась. — Чтобы себе помочь, ты должна начать верить, а иначе так и будешь в липкой кровати лежать с пауком под потолком.

Молния проходит сквозь все тело, будто за доли секунды меня окунули в сон и выдернули обратно.

— Откуда вы знаете про мои сны? — Сначала я подумала, что меня выдал брат, но я никому не говорила про кошмары.

Но шаманка не отвечает на вопросы.

— Западные боги тебя знают, а о предках своих ты забыла, — говорит она не своим, старушечьим голосом, и слова те самые. Меня охватывает дрожь. — Это мать твоя ошибку допустила, но расплачиваться ты будешь. Дерево без корней не растет, и ты мечешься, как воздушный шарик. Бух! — Женщина громко хлопает в ладоши, и я подскакиваю на стуле. — И нет тебя.

Мы смотрим друг на друга и молчим. «Достаточно, чтобы поверить?» — выражает взгляд зеленых раскосых глаз.

— Что я должна делать?

— Вставай!

Женщина подходит к шкафу, берет синий дэгл и надевает поверх домашней одежды. Синий шелк блестит, орнаменты сияют переливаются, серебряные пуговицы блестят. Поверх наряда она надевает бусы — буддийские четки. Такие были у бабушки. А в конце еще один чуть выпуклый диск на цепи, но уже гораздо больше, размером с ладонь. Точно щит от духов. Вот теперь она похожа на шаманку. Она ходит вокруг меня, бурчит молитвы. Я чувствую ветер, не то от дыхания, не то от жестов, то справа, то слева волнами проходит, колышет волосы, тревожит тонкую струйку дыма. Потом еще долго напротив меня шаманка, закрыв глаза что-то говорит себе под нос, не разберешь. Потом открывает глаза и дует мне на лицо, будто пух сдувает.

— Защиту я тебе поставила, но это не все. Поможет на первое время, но тебе надо самой постараться. — Женщина на ходу снимает наряд. — О предках по материнской линии не забывать, подно-

шения делать — чай, молоко брызгать, выучить хотя бы одну мантру буддийскую, «Ом мани падме хум», знаешь такую?

— Нет.

— Изучай, в интернете много информации, Гуглом пользоваться ты умеешь. Брат тебе на помощь всегда придет. В дацан¹³ съезди, купи себе обереги. А теперь иди, у меня другие люди на подходе.

— Подождите, — хочу задать ей миллион вопросов, но она уже идет к двери. — Можно хотя бы спросить, почему это со мной произошло?

— Духи твоих предков злятся, когда про них забывают. Буряты всегда почитали свой род, подношения делали. А сейчас все позабывали. За твою душу боролись темные и светлые силы. Раз жива осталась, светлые победили. Но это тебе урок, если снова забудешь, кто ты, тебе уже ничем не помочь.

Дверь скрипнула, и женщина вышла на улицу. Яркое солнце ослепило меня.

Баатар ждет на скамейке, завидев нас, идет к женщине. Они опять на бурятском говорят. Долго. Поглядывают на меня изредка, что-то обсуждают, из понятных мне слов только «мобильный банк», «перевод». Потом прощаются, я говорю спасибо, а женщина не слышит, уже в своих думах.

В машине спрашиваю, о чем они говорили. Оказалось, что брат оплатил мой сеанс, а я даже не подумала. Надо вернуть деньги, сколько сейчас шаманы берут?

— Настоящие шаманы берут столько, сколько дашь. Нет у них ценника на услуги. Все зависит от твоей щедрости и богатства, — объясняет брат.

— А ты сколько перевел?

— Неважно, считай, это подарок. Главное, чтобы больше не случилось дурного.

14

Три дня в деревне пролетают быстро. Меня научили доить коров, замешивать тесто на домашнюю лапшу, лепить красивые бузды. Но на деле эти ответственные задания мне боялись доверять

¹³ Дацан — буддийский монастырь, предназначается для жизни и религиозной практики монахов.

полностью. Зато вместе с детьми мы пололи грядки, кормили по-росят и ухаживали за многострадальной кошкой, которая впервые стала мамой. Рыжего, самого маленького котенка я бы взяла с собой. Но впереди дальняя дорога. Родня звала в гости в следующем году ближе к августу, чтобы показать местные леса, научить собирать ягоду, делать компоты и варенье, солить огурцы.

За это время я узнала пять разных вариантов, как правильно заваривать чай. Каждая хозяйка твердила, что ее способ заваривания верный. С чаем, как в жизни, правильного варианта нет, есть лишь тот, который тебе по душе. И я нашла свой — сначала глиняный заварник надо обдать кипятком, налить внутрь немного горячей воды и выплеснуть, чтобы прогнать злых духов. Потом горсть чая с травами заливают водой и дают настояться. Немного лимона, и чай готов. Тот же рецепт для чая с молоком, а самую первую кружку надо подносить духам. По утрам мы выходили во двор с супругой Баатара, я держала полную кружку чая в руках, нужно было наполнить сердце светлыми мыслями, а потом резко высоко брызнуть чай. Перед сном мне посоветовали зажигать благовония в комнате и трижды окуривать помещение, особенно по углам комнаты и под кроватью, будто дым может прогнать зло.

Брат свозил меня в дацан. Небольшой буддийский храм в степи, под солнцепеком, окруженный невысокими сопками. Сначала вокруг него надо пройти три круга — за прошлое, за настоящее и за будущее. А потом поклониться статуе Будды внутри.

Вокруг храма на обширной территории выстроились сто восемь субурганов¹⁴. Белые высокие ступы — хранилище родословных ста восьми семей хоринских бурят. К одной из них Баатар меня подвел, чтобы я поклонилась своему роду. Меня научили, как правильно — сложить ладони, поднести ко лбу, потом к губам, потом к сердцу и поклониться. И так три раза.

В ритуальной лавке купила себе небольшой оберег на красной нити, а буддийский монах прочитал над ней молитву и сказал не снимать. Не знаю, что из всего этого мне помогло, но ни один кошмар меня больше не мучил. Не вернулись страшные сны ни в маршрутке до Улан-Удэ, ни в самолете. Я преодолела 4413 км

¹⁴ Субурган — буддийская ступа (в переводе с санскрита — «макушка, куча камней, земляной холм»). Это буддийское архитектурно-скульптурное культовое сооружение, имеющее полусферические очертания.

по воздуху без всяких приключений. Меня провожала огромная семья, каждый обнял трижды, каждый поцеловал, каждый просил, чтобы я обязательно приехала следующим летом. И так тепло было на душе, что в конце я даже расплакалась. Увезла с собой синий хадак, немного малинового варенья и спокойствие на душе.

В следующий понедельник я написала заявление об увольнении, еще через две недели я собрала вещи и уехала в Москву к Ирке и Катьке. Странно, но мать даже не противилась, видимо, по моему тону поняла, что спорить бесполезно. Отец вздохнул и обнял, обещал навестить в Москве.

Мне еще многое предстояло узнать, но долгий путь всегда начинается с маленьких шагов. Я всегда мечтала изучать восток, но оказалось, что он гораздо ближе, он во мне. Порой мне снится бабушка с белым глазом, но это не страшные сны, это напоминание о том, кто я такая и откуда я родом.

— Здравствуйте, я Арьяна Соколова, я пришла на собеседование.

